

Вселенная Майлза Форкосигана

Лоис Буджолд

Память

1996

Буджолд Л. М.

Память / Л. М. Буджолд — 1996 — (Вселенная Майлза Форкосигана)

Криогенное оживление Майлза Форкосигана, живой легенды космоса, знаменитого героя межгалактических войн, привело к неожиданному и трагическому результату. Теперь Майлз страдает припадками, в ходе одного из которых случайно калечит заложника, на чье спасение были брошены лучшие силы дендарийских наемников. Майлза признают непригодным к военной службе, однако когда над Баррайяром нависает чудовищная опасность, бесстрашный адмирал Нейсмит вновь вступает в игру. Трудно даже вообразить, к чему может привести разрушение чипа памяти, вживленного в мозг Саймона Иллиана, шефа Имперской безопасности. Форкосиган обязан сражаться и победить...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	47
Глава 7	55
Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1

Майлз очнулся. Сознание, казалось, растворилось в каком-то бессвязном сне, непонятном и медленно таявшем. От мысли, что он снова убит, его бросило в дрожь, и он дрожал до тех пор, пока память и разум не вернулись к нему.

Тем временем прочие его органы чувств пытались провести инвентаризацию. Так, он в невесомости, его короткое тело лежит, привязанное к какой-то поверхности и завернутое во что-то вроде тонкой медицинской фольги. «Ранен?» Вроде бы все на месте. На нем по-прежнему мягкий комбинезон, который он надел под боевую броню. А вот брони уже нет. Привязан не крепко. Многократно профильтрованный воздух, сухой и прохладный, щекочет ноздри.

Майлз осторожно высвободил руку, стараясь не повредить фольгу, и коснулся лица. Ни датчиков, ни проводов. Крови тоже нет. «Где моя броня, оружие и командирский шлем?»

Спасательная операция шла гладко и без эксцессов, как любая нормальная спасательная операция. Они с капитаном Куин и дендарийцами проникли на пиратский корабль, легко обнаружили гауптвахту. Там нашли пленного курьера барраярской Службы безопасности, лейтенанта Форберга, оглушенного наркотиками, но живого. Медтехник после беглого осмотра сообщил, что у заложника нет ни химических, ни механических ограничителей, и они все дружно и весело двинулись по темным коридорам к боевому катеру дендарийцев. Пираты, сильно занятые другими делами, даже не попытались на них напасть. Так что же пошло не так?

Доносившиеся звуки были привычными и мирными: попискивание медицинского оборудования, шелест воздушных фильтров, работающих в обычном режиме, приглушенный гул голосов. Послышался чей-то низкий животный стон. Майлз облизал губы – убедиться, что этот звук издает не он. Он сам, может, и не ранен, но кому-то явно не повезло. Слабый запах антисептика. Майлз распахнул глаза, готовый мгновенно изобразить беспамятство, если вдруг окажется, что он на вражеском корабле.

Но он – в целости и сохранности, хотелось бы думать – находился на дендарийском боевом катере, привязанный к носилкам в кормовом отсеке. Зрелище переносной станции медпомощи было вполне привычным, хоть с позиции раненого он видел ее впервые. Медтехник Синего отряда стоял спиной, склонившись над носилками, закрепленными у противоположной стены. На них кто-то лежал. «Всего лишь еще один раненый». Можно бы добавить «Прекрасно», только вот фокус в том, что раненых не должно было быть вообще.

«Лишь один раненый», – мысленно поправил себя Майлз. Голова в основании черепа раскалывалась от боли. Но ведь он не ощущает ни ожогов от плазмотрона, ни последствий удара нейробластера. Нет ни инъекторов, ни капельниц, вливающих в вены кровь или синергин. Не чувствуется одурманивающего воздействия болеутоляющих препаратов. Ничто не вызывает движений. Головная боль такая, как бывает после парализатора. Но как мог парализатор пробить боевую броню?

Медтехник, все еще в броне, только без шлема и перчаток, обернулся и увидел, что Майлз открыл глаза.

– Очнулись, сэр? Сейчас позову капитана Куин.

Он быстро склонился к Майлзу и посветил в глаза, проверяя реакцию зрачков.

– Сколько... я был в отключке? Что произошло?

– У вас было что-то вроде эпилептического припадка или конвульсий. Безо всякой видимой причины. Срочный тест на токсины ничего не выявил, но он очень поверхностный. Мы самым тщательным образом осмотрим вас, как только окажемся на корабле.

«Нет, это не смерть. Это хуже. Это последствия той смерти. Дьявольщина! Что же я натворил? И что они видели?»

Уж лучше бы... Черт, нет! Попасть под удар нейробластера, конечно, хуже, но не намного.

– Так сколько? – повторил Майлз.

– Приступ продолжался минуты четыре – пять.

Отлично, только вот для того, чтобы попасть с пиратского корабля на катер, требуется гораздо больше пяти минут.

– А потом?

– Боюсь, адмирал Нейсмит, вы были без сознания около получаса, сэр.

Никогда еще он не отключался так надолго. Похоже, этот припадок оказался намного хуже предыдущих. В прошлый раз он молился, чтобы тот приступ действительно оказался последним. Прошло уже почти два месяца после того, никем не замеченного, короткого припадка. Черт побери, он же был совершенно уверен, что новый препарат сработает!

Майлз начал выпутываться из теплозащитной фольги и ремней.

– Пожалуйста, не пытайтесь встать, адмирал.

– Мне надо выслушать рапорты.

Медик осторожно положил руку ему на грудь и уложил обратно на носилки.

– Капитан Куин приказала дать вам снотворное, если вы попытаетесь подняться, сэр.

«А я этот приказ отменяю!» – чуть было не рявкнул Майлз. Однако в данный момент никаких боевых действий вроде бы не велось, а в глазах медтехника читалось специфическое выражение человека, твердо намеренного выполнить приказ любой ценой. «Боже, храни меня от людской добродетели».

– Поэтому я и пробыл без сознания так долго? Меня накачали снотворным?

– Нет, сэр. Я всего лишь ввел вам синергин. Ваши показатели жизнедеятельности были в норме, и я побоялся давать вам что-то другое, пока мы не разберемся, что произошло.

– А что с людьми? Все выбрались? Барраярский заложник освобожден?

– Все выбрались. А барраярец, э-э-э... будет жить. Я ампутировал ему ноги, но шансы, что хирург пришьет их, достаточно велики.

Медик оглянулся, как бы в поисках поддержки.

– Что?! Как он получил ранение?

– Э-э-э... Я лучше позову капитана Куин, сэр.

– И побыстрее, – прорычал Майлз.

Медтехник оттолкнулся, проплыл к дальней стене и что-то пробормотал в интерком. Затем вернулся к своему пациенту. Лейтенанту Форбергу? В лежащего на соседних носилках человека аппаратура закачивала плазму и различные препараты через трубки, введенные в обе руки и шею. Туловище завернуто в теплозащитную фольгу. Зажегся индикатор, и медик быстро сел в амортизирующее кресло. Последовала серия ускорений и торможений. Катер готовился к стыковке с кораблем.

Как и положено, сразу после стыковки первым выгрузили раненого заложника. В двух частях. Майлз от злости зубами заскрежетал, наблюдая, как солдат с охлаждающим контейнером проследовал за медтехником и носилками. Впрочем, особо много крови Майлз тоже не заметил.

Он только-только начал освобождаться от ремней, устав дожидаться Куин, как она возникла в шлюзе.

Элли уже сняла шлем и перчатки и откинула назад капюшон, высвободив свои темные кудри. Ее точеное лицо было бледным от напряжения, в темных глазах стоял испуг. Но его маленькой флотилии из трех кораблей вряд ли грозила опасность, иначе бы Куин сейчас тут не было.

– Ты в порядке? – хрипло спросила она.

– Куин, что... Впрочем, нет, давай сначала общий рапорт.

– Зеленый отряд отключил команду пиратского корабля. Всех до единого. Повредили кое-какое оборудование, так что страховая компания будет не в таком восторге, как в прошлый раз, но личный состав в целости и сохранности.

– Благодарение Богу и сержанту Тауре. А пираты?

– Мы захватили самый большой корабль и взяли девятнадцать пленных. Трое убитых. Все пленные на нашей гауптвахте. Трофейная команда сейчас работает на захваченном корабле. Шесть или восемь ублюдков успели уйти на спасательной капсуле. Вооружение у капсулы слабое, а до ближайшего п-в-туннеля далеко. «Ариэль» догонит их в любой момент. Тебе решать, уничтожить их сразу или постараться захватить.

Майлз потер лицо ладонями.

– Допроси пленных. Если это те самые кровожадные ублюдки, что захватили в прошлом году «Солер» и перебили всех пассажиров и экипаж, то Станция Вега назначила за них награду, так что мы сможем получить тройное вознаграждение за одну операцию. Поскольку веганцы дают равноценную награду и за доказательство их смерти, то все тщательно записывай. Мы предложим пиратам сдаться, но лишь один раз. – Он вздохнул. – Насколько я понимаю, дела пошли не совсем так, как планировалось. В очередной раз.

– Эй, послушай, любая операция по спасению заложников, прошедшая без потерь, является безусловным успехом с любой разумной точки зрения. Если нашему хирургу удастся не перепутать местами правую и левую ногу твоего несчастного барраряца, то наша операция удачна на все сто.

– Э-э-э... да, конечно. А что произошло, когда... когда я отрубился? Что случилось с Форбергом?

– Попал под дружеский огонь. Хотя в тот момент так не казалось. Ты вдруг рухнул на пол, изумив нас всех несказанно. Твой шлем выдал кучу всякого дерьма по телеметрии, а потом включился твой плазмотрон.

Она взъерошила волосы.

Майлз глянул на плазмотрон, встроенный в правый рукав боевой брони Куин – такой же, как у него, и сердце его ушло в пятки.

– О, нет! Ох ты, черт! Только не это!

– Боюсь, именно это. Ты ударил из плазмотрона по спасенному заложнику. Очень чисто и аккуратно, прямо по ногам. К счастью – как мне думается, – луч прижег культы, поэтому парень не истек кровью. К тому же он так накачан наркотиками, что вряд ли вообще что-либо почувствовал. На мгновение я было подумала, что кто-то захватил дистанционное управление твоей броней, но инженеры клянутся, что это невозможно. Ты еще разнес приличный кусок переборки, пока мы вчетвером держали тебя, пытаясь вскрыть твою броню, залезть внутрь и все отключить. А ты в это время поливал все вокруг плазменным лучом и едва не задел нас, черт побери! От полного отчаяния я парализовала тебя, и ты отключился. Я перепугалась, уж не убила ли тебя.

Голос Куин чуть дрожал. Ведь, в конце концов, ее нынешнее лицо – не настоящее, а восстановленное после плазменного ожога, полученного почти десять лет назад.

– Майлз, что с тобой, к черту, творится?

– Полагаю, у меня было... что-то вроде припадка. Типа эпилептического, с той лишь разницей, что это никак не связано с неврологией. Боюсь, это последствия моего прошлогоднего криооживления.

«Тебе отлично известно, что так оно и есть».

Майлз коснулся уже едва заметных шрамов на шее. Самое безобидное последствие происшедшего. Вынужденный выстрел из парализатора, сделанный Куин, объяснял длительное беспамятство и головную боль. Значит, приступ не был хуже предыдущих...

– Боже, – ахнула Куин. – Но это ведь в первый... – Она замолчала и пристально поглядела на него. Затем продолжила уже более спокойно: – Это с тобой не впервые, не так ли?

Повисло тяжелое молчание. Майлз заставил себя заговорить, пока не последовал взрыв.

– Было раза три или четыре. – «Или пять». – Началось вскоре после того, как я вышел из криостаза. Криохирург сказала, что приступы могут пройти сами по себе, как посткриогенная амнезия и трудности с дыханием. И они вроде бы действительно прекратились.

– И Имперская служба безопасности отправила тебя на боевое задание с этакой бомбой замедленного действия в голове?

– Служба безопасности... э-э-э... об этом ничего не знает.

– Майлз...

– Элли! – отчаянно возразил он. – Они сняли бы меня с оперативной работы, ты же понимаешь! Непременно сняли бы! В лучшем случае прибили бы подошвы моих башмаков к полу за каким-нибудь столом. А в худшем – уволили по здоровью. И конец адмиралу Нейсмит. Навсегда.

Она замерла.

– Я рассчитывал, если приступы возобновятся, попытаться справиться с ними самому. И думал, что мне это удалось.

– Кому-нибудь об этом известно?

– Немногим... Я не мог допустить, чтобы информация дошла до Имперской безопасности. Сообщил лишь нашему дендарийскому хирургу. И взял с нее клятву хранить секрет. Мы с ней пытаемся найти причину этих припадков. И пока что не очень далеко продвинулись. В конце концов, ее специализация – раны и травмы.

«Ага, вроде плазменных ожогов и приживления отрезанных конечностей. Так что лейтенант Форберг вряд ли попал бы в более надежные и умелые руки, даже если его вдруг чудом удалось мгновенно перенести в Императорский госпиталь на Барраяре».

Куин сжала губы.

– Но мне ты ничего не сказал. Не говоря о наших личных отношениях, я, в конце концов, являюсь твоим заместителем в этой операции!

– Мне следовало сказать тебе. Но все мы крепки задним умом. – «Слепцы».

Куин бросила взгляд в дальний конец катера, где медтех «Перегрин» протискивал в шлюз воздушные носилки.

– У меня дела. А ты останешься в медицинском отсеке до тех пор, пока я за тобой не приду. Договорились?

– Со мной все в порядке! До следующего приступа могут пройти месяцы! Если он вообще будет.

– Договорились? – сквозь зубы процедила Куин, сверля его взглядом.

Вспомнив о Форберге, Майлз сдался.

– Договорились, – нехотя кивнул он.

– Очень признательна, – прошипела Куин.

Майлз не пожелал лечь на носилки, заявив, что прекрасно доберется сам. Под бдительным присмотром медтеха он направился в медицинский отсек, чувствуя себя чрезвычайно подавленно. «Я теряю над этим контроль...»

Как только Майлз дошел до медотсека, обеспокоенный медтех немедленно подверг его сканированию, взял анализ крови и вообще все мыслимые и немыслимые анализы, а также заново проверил функции организма. Потом оставалось только ждать прибытия хирурга. Майлз потихоньку проскользнул в маленькую смотровую, куда ординарец принес ему форму. Поскольку ординарец явно норовил изображать заботливую наседку, Майлз раздраженно отослал его прочь.

Таким образом он остался один в тихом спокойном месте, где решительно нечем было заняться – только размышлять. Что оказалось тактической ошибкой. Конечно, Куин надежна как скала и будет держать язык за зубами, иначе чего ради он сделал бы ее своим заместителем? В последний раз, когда на Архипелаге Джексона его грубо оторвали от командования, разворотив грудную клетку иглогранатой, Элли вполне достойно справилась с возникшей проблемой.

Майлз натянул серые брюки и внимательно оглядел свой торс, пробежав пальцами по сети украшавших грудь шрамов. Джексоновианский криохирург проделала великолепную работу. Новое сердце, легкие и прочие внутренние органы уже почти достигли нужного размера и прекрасно функционировали. Вдобавок хрупкие кости, отравлявшие существование с самого рождения, почти все были заменены синтетическими. Криохирург даже выпрямила ему позвоночник, так что теперь на месте горба, который вкупе с его карликовым ростом позволял соплеменникам-барраярцам называть его за глаза мутантом, осталась лишь практически незаметная выпуклость. И добавилась пара-тройка сантиметров роста. Правда, плата за них оказалась несколько высоковата, но эти дополнительные сантиметры для него весьма важны. И никаких признаков усталости. Для посторонних глаз он сейчас находится в лучшей физической форме, чем был когда-либо за свои почти тридцать лет.

Не считая одного маленького «но»...

Из всех возможных угроз, нависавших когда-либо над его многострадальной карьерой, эта оказалась совершенно неожиданной. И самой опасной. Много лет он напряженно работал, невзирая на возникавшие у многих из-за его физических дефектов сомнения. Работал, чтобы завоевать статус лучшего галактического оперативника Имперской службы безопасности Барраяра. Там, где официальные военные силы Барраяра не могли вмешиваться по политическим соображениям или из-за отдаленности цели, наемник – якобы независимый – мог запросто взяться за дело. Майлз потратил целое десятилетие, оттачивая образ адмирала Нейсмита, весьма своеобразного предводителя дендарийских наемников.

«Наша специализация – безнадежные спасательные мероприятия».

Вроде последнего задания. Команде пиратов напрочь изменила удача в тот день, когда они захватили безоружный торговый корабль Сумерек Зоава и обнаружили, что тот, кого они полагали самой ценной добычей, оказался вовсе не торговцем, а барраярским имперским курьером, перевозившим кредитки и важную дипломатическую информацию. Будь у них хоть капля здравого смысла и толика инстинкта самосохранения, они немедленно отпустили бы лейтенанта Форберга на ближайшей станции со всеми документами и чипами в целости и сохранности, рассыпаясь в извинениях.

Но вместо этого они попытались продать курьера тому, кто больше даст. «Уничтожь их всех, – приказал тогда глава Имперской безопасности Саймон Иллиан. – Дьявол разберется, где свои». Иллиан предоставил Майлзу самому разрабатывать операцию. Император весьма неодобрительно относился к тем, кто осмеливался покуситься на его личных курьеров. Или пытаться их. Или пробовал выставить на продажу, как напичканные информацией куски мяса. Это оказалась единственная операция, где, несмотря на то что официальным нанимателем дендарийцев выступала страховая компания с Сумерек Зоава, можно было без особого ущерба дать понять всем, что за их спиной стоит Барраярская империя. Неплохая реклама на тот случай, если еще какому-нибудь имперскому курьеру не повезет.

Если, конечно, допустить, что Форбергу просто не повезло.

Майлз изнывал от желания присутствовать на допросе пленных. Помимо освобождения Форберга, Иллиан велел еще выяснить, было ли похищение лейтенанта случайным или спланированным. Если спланированным... кому-то придется заняться внутренним расследованием. И Майлза несказанно радовало, что такого рода расследования не входят в его обязанности.

Наконец появилась хирург, еще не снявшая стерильного комбинезона. Подбоченившись, женщина со вздохом посмотрела на Майлза. Выглядела она усталой.

– Как там баррарец? – рискнул поинтересоваться Майлз. – Он... гм-м... Он поправится?

– Не так уж плохо. Рана чистая и, к счастью, ноги отрезало чуть ниже коленных суставов.

В конечном итоге он лишь станет сантиметра на три короче, только и всего.

Майлз скривился.

– Он уже встанет на ноги к тому времени, как окажется дома, – добавила она, – учитывая, что путешествие займет недель шесть.

– А! Прекрасно.

Но предположим, плазменный луч прошелся бы прямо по коленям Форберга. Или на метр выше, разрезав его пополам. Даже чудесам, творимым дендарийскими хирургами, есть предел. Вряд ли бы на пользу его, Майлза, карьере послужило то, если бы он привез лейтенанта упакованным в мешок для трупов. Точнее, в два мешка.

Майлз ощутил внезапную слабость от смеси ужаса и облегчения.

«О Господи, и как я все это объясню Иллиану?»

Хирург просмотрела результаты сканирования, бормоча то, что обычно бормочут врачи.

– Мы все еще в самом начале исследований. Никаких явных нарушений не видно. Единственный способ прояснить что-либо – это подвергнуть вас сканированию во время приступа.

– Дьявольщина! Я полагал, мы уже испробовали все известные науке виды стрессов, электрошоков и стимуляторов. Я думал, те таблетки, которые вы мне дали, решили проблему.

– Это обычный-то антиконвульсант? А вы его правильно принимали?

– Да. – Он еле удержался от глупых возражений. – А вы не думали о каких-нибудь еще средствах?

– Нет. Потому-то и дала вам этот монитор для постоянного ношения. – Она оглядела комнату в поисках прибора. – Кстати, где он?

– В моей каюте.

Она раздраженно поджала губы.

– Позвольте мне самой догадаться. Во время припадка его на вас не было.

– Он не помещался под боевую броню.

Хирург стиснула зубы:

– А вы не могли хотя бы позаботиться о том, чтобы отключить свое оружие?

– Вряд ли от меня в таком случае был бы прок, случись что-то непредвиденное. Тогда я с тем же успехом мог остаться на борту «Перегрина».

– Вы сами и есть непредвиденное. И вам, безусловно, следовало остаться на «Перегрине».

«Или на Барраре». Но обеспечение безопасности Форберга – самая сложная часть задания, а Майлз – единственный дендариец, которому Имперская безопасность могла доверить баррарские опознавательные коды.

– Я... – начал было он, но тут же оборвал бесполезные оправдания. – Вы совершенно правы. И больше такое не повторится до тех пор, пока... пока мы не решим эту проблему. Что мы предпримем теперь?

Хирург развела руками:

– Я провела все известные мне исследования. Совершенно очевидно, что антиконвульсанты проблемы не решают. Похоже, мы имеем дело с каким-то посткриогенным повреждением на клеточном или молекулярном уровне. Вам следует показаться самому лучшему крионеврологу, которого вы сможете отыскать.

Майлз вздохнул. Натянул черную футболку и серую форменную куртку.

– На данный момент все? Мне нужно срочно проследить за допросом пленных.

– Догадываюсь, – скривилась она. – Только сделайте нам всем одолжение. Идите безоружным.

– Есть, мэм! – смиренно поклонился Майлз и удрал.

Глава 2

Майлз сидел перед комм-пультом в своей каюте на борту «Перегрина» – флагманского корабля – и составлял свой тысячный рапорт начальнику Имперской безопасности Барраяра Саймону Иллиану.

Ну, не тысячный, конечно. В среднем он выполнял три-четыре задания в год и занимался этим лет десять, после верванской операции, когда дендарийцы получили на Барраяре официальный статус. Получается меньше сорока рапортов. Но он уже не мог навскидку сказать номер последнего. И это вовсе не следствие криоамнезии.

«Веди отчетность, мальчик». Его персональные записи – не просто краткий перечень необработанных данных, имеющихся в файлах Дендарийского флота. Конечно, аналитики Иллиана прямо-таки обожают необработанные данные, чтобы было над чем поразмышлять в крошечных кабинетах здания Имперской безопасности в Форбарр-Султане. Видимо, записи Майлза тоже немало их развлекают.

«Перегрин», «Ариэль» и остальные корабли боевой группы адмирала Нейсмита висели на орбите у Сумерек Зоава. Главный бухгалтер флота провела два тяжелых дня, решая вопросы со страховой компанией, получившей наконец свой грузовик вместе с командой, а также договариваясь о деньгах за пиратские корабли, и заполняя в посольстве Станции Вега официальные бланки на получение премиальных. Майлз ввел в свой рапорт финансовый расклад в виде «Приложения А».

Пленных отправили вниз, чтобы веганские и зоавские власти сами их разделили. Желательно в том же аспекте, как беднягу Форберга. Пираты оказались большими мерзавцами. Жаль, что их спасательная капсула сдалась. В «Приложении Б» содержались записи допроса пленных. Власти Зоава получают отредактированную версию, откуда изъяты сведения, касающиеся барраярского курьера. Зато им достанется огромное количество преступных признаний, которые не представляют большого интереса для Имперской безопасности, но зато приведут в восторг веганцев.

Для Иллиана главное то, что похищение барраярского курьера всего лишь случайность. Разве что – Майлз специально отметил это в рапорте – нужными сведениями располагали только пираты, убитые во время операции. Поскольку в число погибших входили и так называемый капитан и два старших офицера, то тут аналитикам Иллиана есть над чем поработать. Но теперь к задаче следовало подходить с другого конца, поскольку курьера пытались выкупить у пиратов представители дома Харгрейв. Майлз очень надеялся, что Имперская безопасность сосредоточит на джексопианском полупреступном синдикате свои лучшие силы. Хотя агенты дома Харгрейв, сами того не желая, оказали дендарийцам весьма неплохую помощь при разработке операции.

Иллиану захочется взглянуть и на финансовый отчет. На сей раз дендарийцам не только удалось удержаться в рамках отпущенного бюджета, но и – для разнообразия – получить истинно грандиозную прибыль. Иллиан, который терпеть не мог понапрасну тратить имперские марки, вернул похищенного курьера совершенно бесплатно. «Ну, разве мы не молодцы?»

Так когда же столь способный лейтенант Имперской безопасности лорд Майлз Форкосиган получит наконец столь долгожданное повышение и станет капитаном? Просто удивительно, насколько барраярское звание для него весомее, чем дендарийское. Конечно, сперва он сам себя провозгласил адмиралом, а заработал сей чин гораздо позже, так что это трудно назвать нормальным ростом карьеры. Но на сегодняшний день едва ли кто может сказать, что он действительно не стал тем, кем когда-то себя называл. Для всей Галактики адмирал Нейсмит – личность реальная. А его барраярская личность – лишь еще одна личина. Может, приложение?

«Нет ничего роднее дома».

«Я не сказал, что нет ничего лучше. Я лишь сказал, что нет ничего роднее».

Эта мысль привела его к «Приложению В», в котором содержались записи, снятые с боевых скафандров дендарийцев в ходе последней операции. Вся информация о том, как Зеленый отряд сержанта Тауры освободил экипаж торговца. А еще – о его Синем отряде и... всех последующих событиях. С полным звуковым и цветовым изображением, телеметрией – медицинской и коммуникационной. Майлз с отвращением просмотрел запись своего припадка и его неприятных последствий.

Видеозапись скафандра № 060, обладатель которого оказался в непосредственной близости от лейтенанта Форберга. Крупным планом – лицо барраярца, выведенного плазменным ожогом из наркотического состояния. Крик нестерпимой боли. Форберг падает, лишившись сознания. Тело – в одну сторону, отрезанные ноги – в другую.

Майлз поймал себя на том, что, наклонившись к экрану, прижимает руки к груди.

Да, похоже, сейчас не самое подходящее время просить Иллиана о повышении.

Выздоровливающего Форберга вчера передали представителям барраярского консульства на Зоаве. Оттуда его отправят на родную планету уже официально. Майлз втайне радовался, что его нынешний статус избавил его от необходимости приносить Форбергу персональные извинения. До эпизода с плазмотроном Форберг не видел лица Майлза, скрытого за боевым шлемом. Да и потом, разумеется, тоже был лишен такой возможности. Хирург дендарийцев сообщила, что у лейтенанта сохранились лишь смутные воспоминания о своем спасении.

Майлз пожалел, что не может изъять из рапорта все записи Синего отряда. Увы – это бессмысленно. Отсутствие самых интересных файлов привлечет внимание Иллиана не меньше, чем яркий костер, разожженный темной ночью на вершине горы.

Конечно, если он выкинет все «Приложение» целиком, выкинет записи всех отрядов...

Майлз задумался. Чем можно заменить «Приложение В»? В прошлом он писал немало кратких и расплывчатых сводок – из-за нехватки времени, из-за усталости.

«В связи с неисправностью правый плазмотрон боевой брони № 032 заклинило в положении „включен“. За несколько минут последовавшей неразберихи, связанной с исправлением поломки, объект, к сожалению, оказался под ударом плазменного луча...» И не его, Майлза, вина, если читатель посчитает, что поломался скафандр, а не тот, на ком он надет.

Нет. Иллиану он лгать не может. Даже в пассивной форме.

«Но это не ложь. Я всего лишь немного сокращу рапорт».

Нет, нельзя. Майлз был полностью уверен: стоит ему опустить хоть незначительную подробность в записи, аналитики Иллиана немедленно это вычислят. И тогда его положение будет во сто крат хуже, чем сейчас.

Не то чтобы в других записях много упоминалось о злополучном эпизоде. Нет, совсем несложно перечитать весь рапорт и внести нужные коррективы.

«Очень скверная мысль».

И все же... это может оказаться весьма любопытным экспериментом. Не исключено, что в один прекрасный день – Боже упаси – ему придется самому читать такие рапорты. Так что весьма полезно выяснить, может ли быть подделан такого рода документ. Чтобы удовлетворить свое любопытство, Майлз записал полный рапорт, снял с него копию и принялся играть с ней. Какие минимальные исправления и умолчания могут скрыть промах полевого агента?

На это ушло минут двадцать.

Майлз уставился на плоды своих трудов. Великолепная работа. Ему стало нехорошо. «Эта бумажка может стоить мне карьеры».

«Но только если меня застукают». Похоже, вся его жизнь строилась именно по этому принципу. Он счастливо избежал наемных убийц, врачей, устава, ограничений, налагаемых форским титулом... Избежал самой смерти. «Я могу обмануть и тебя, Иллиан».

Он поразмыслил о внедренных к дендарийцам независимых наблюдателях Иллиана. Один остался с основными силами флота, второй служил офицером связи на «Ариэле». На борту «Перегрина» и в штурмовых отрядах не было ни одного. Ergo,¹ никто не может опровергнуть его версии.

«Над этим, пожалуй, стоит подумать». Поставив на отредактированной версии гриф «совершенно секретно», Майлз присоединил ее к оригиналу. Покончив с этим, он потянулся, разминая затекшую спину. Работа за письменным столом не слишком полезна для позвоночника.

В дверь каюты постучали.

– Да?

– Это Баз и Элен, – раздался из интеркома женский голос.

Майлз очистил комм-пульт, накинул китель и отпер дверь.

– Заходите.

Баз, то есть командор Дендарийского флота Баз Джезек, главный инженер флота и номинальный заместитель Майлза. Элен – капитан Ботари-Джезек, жена База, командир «Перегрина». Оба – из числа немногих барраярцев Дендарийского флота, которые знали Майлза в двух его ипостасях: адмирала Нейсмита – немного продажного бетанского наемника, и лейтенанта лорда Майлза Форкосигана – верного тайного агента Имперской службы безопасности Барраяра. Они знали его еще до создания Дендарийского флота. Тощий, уже начинающий лысеть Баз был с ним с самого начала дендарийской эпопеи. Дезертир-беглец, которого Майлз подобрал и (как считал Майлз) возродил. Элен... Элен – совсем другое дело.

Дочь барраярца – телохранителя Майлза, выросшая в доме графа Форкосигана, практически сводная сестра Майлза. Будучи женщиной, Элен была лишена возможности пойти на военную службу на Барраяре и лишь мечтала о военной карьере. На Барраяре все помешаны на армии. И Майлз нашел способ помочь ей. Теперь она выглядела как настоящий солдат: стройная, высокая, одного роста с мужем, облаченная в дендарийский серый мундир. Короткие темные чуть выющиеся волосы обрамляли волевое лицо и подчеркивали глубину внимательных карих глаз.

Интересно, как бы повернулась их жизнь, если бы она ответила согласием на страстное и застенчивое предложение руки и сердца, сделанное Майлзом, когда им было по восемнадцать лет? Что бы с ними теперь стало? Вели бы они в столице респектабельную жизнь форов? Были бы они счастливы? Или со временем надоели бы друг другу и теперь сожалели бы об утраченных возможностях? Нет, тогда бы они и знать не знали о том, что потеряли. Возможно, у них были бы дети... Майлз оборвал мысль. Пустое занятие.

И все же где-то в самой глубине его души до сих пор жило ожидание... Элен, казалось, вполне счастлива со своим мужем. Но жизнь наемника – а Майлз теперь знал это на собственной шкуре – полна смертельного риска. Малейшая ошибка в проведении операции – и Элен стала бы скорбящей вдовой, жаждущей утешения. Только вот дело в том, что она за свою жизнь видела больше рукопашных, чем Баз. Гнусный замысел, будоражащий неугомонный мозг Майлза в ночные часы, имел существенный недостаток. Что ж, нельзя повлиять на чужие мысли. Однако можно открыть рот и высказать какую-нибудь очередную глупость.

– Привет, ребята. Садитесь. Чем могу быть полезен? – радостно промурлыкал Майлз.

Элен улыбнулась, и они с Базом расположились на стульях напротив Майлза. В их поведении было что-то непривычно официальное. Баз жестом попросил Элен говорить первой. Верный признак какой-то хитрости. Майлз весь подобрался.

Начало оказалось банальным.

– Ты хорошо себя чувствуешь, Майлз?

¹ Следовательно (лат.).

– О, со мной все в порядке.

– Отлично. – Глубоко вздохнув, Элен продолжила: – Милорд...

А вот и еще один признак чего-то необычного. Когда Элен обращается к нему, как вассал...

– ...Мы хотим подать в отставку. – Она застенчиво улыбнулась, будто преподнесла исключительно радостную весть.

Майлз чуть со стула не упал.

– Что? Почему?

Элен посмотрела на База, и тот немедленно перехватил инициативу:

– Мне предложили работу. Инженером на одной из орбитальных ферм Эскобара. Платят вполне достаточно, чтобы мы могли спокойно уйти в отставку.

– Я... я и понятия не имел, что вас не устраивает оплата. Если проблема только в этом, то она вполне разрешима.

– Никакого отношения к деньгам это не имеет, – отрезал Баз.

Этого-то он и боялся. Нет, было бы слишком просто...

Почему их просьба об отставке вызвала у него в памяти то мгновение, когда выпущенная снайпером иглограната разворотила ему грудь?

– Хм...

– Как офицеры-дендарийцы, мы, конечно, можем просто подать соответствующий рапорт и уйти в отставку. Но как ваши вассалы, мы обязаны просить оказать нам Особую Милость и отпустить нас.

– Э-э-э... Я... я не уверен, что флот может сейчас позволить себе потерю сразу двух старших офицеров. Особенно База. Я полностью полагаюсь на него, когда вынужден отсутствовать. И не только в сфере ремонта и обеспечения. Он держит под контролем все. Следит, чтобы частные контракты не мешали выполнению возложенных на нас Барраяром задач. Знает... все секреты. И я не вижу, кем его можно заменить.

– Мы думали, что ты можешь разделить нынешние обязанности База, – подсказала Элен.

– Да. Мой заместитель по инженерной части вполне готов к повышению, – заверил Баз. – С практической точки зрения он даже лучше меня. Моложе, знаете ли.

– И всем известно, что ты вот уже много лет готовишь Элли занять командный пост, – наступала Элен. – Она жаждет повышения. И вполне для этого созрела. Думаю, за последний год она это неоднократно доказала.

– Она... не барраярка. Иллиан может встретить это в штыки, – тянул время Майлз. – В такой пикантной ситуации...

– До сих пор он этого не делал. Он достаточно долго с ней знаком, чтобы составить о Куин определенное мнение. К тому же Имперская безопасность использует немало инопланетных агентов, – заявила Элен.

– Вы уверены, что хотите именно официальной отставки? Я хочу сказать, есть ли в этом необходимость? Может, вас устроит дополнительный или годичный отпуск?

Элен покачала головой:

– Когда люди становятся родителями, они меняются... Я не знаю, захочу ли потом вернуться.

– А я думал, ты хотела стать солдатом. Хотела всей душой, больше всего на свете. Как я. – «Имеешь ли ты хоть малейшее представление о том, насколько все это затевалось ради тебя, только ради тебя и для тебя?»

– Да, так оно и было. Но я... выдохлась. Я знаю, что «достаточно» – не твоё кредо. И не уверена, что даже самый выдающийся успех удовлетворит тебя. – «Это потому, что я совершенно опустошен...» – Но... все детство, всю юность Барраяр вбивал мне в голову, что воевать – единственное стоящее занятие. Самое важное, что есть и может быть в жизни. И что я

никогда не смогу приносить пользу, потому что никогда не стану солдатом. Что ж, я доказала, что барраярские взгляды ложны. Я стала солдатом, и чертовски хорошим к тому же.

– Верно...

– И вот теперь я задумалась – а в чем еще барраярские предпосылки ложны? Например, что в жизни действительно важно и кто важен? Когда ты в прошлом году лежал в криостасисе, я много времени провела с твоей матерью.

– О! – «Ну да, во время пребывания на родной планете, куда когда-то поклялась больше никогда ногой не ступить».

– Мы с ней тогда о многом говорили. Я всю жизнь считала, что восхищаюсь ею потому, что она в молодости была солдатом. Сражалась за Колонию Бета во время эскобарской войны, еще до того как бежала на Барраяр и вышла замуж за твоего отца. Но однажды она предалась воспоминаниям о том, кем ей за свою жизнь пришлось побывать. Астрокартографом, исследователем, капитаном корабля, женой, матерью и политиком... Список продолжался и продолжался. И она тогда сказала, что невозможно предсказать, кем ей придется стать еще. И я подумала тогда... Я тоже так хочу. Хочу быть, как она. Не кем-то одним. Я хочу выяснить, кем еще я могу стать.

Майлз украдкой взглянул на База, который гордо улыбался, глядя на жену. Совершенно очевидно, что все это затеяла она. Но Баз – и справедливо – всю жизнь преданный раб своей жены. И что бы она ни затеяла – он заранее согласен. Дьявольщина.

– А ты не думаешь... что тебе может захотеться вернуться... потом?

– Через десять, пятнадцать, двадцать лет? – воскликнула Элен. – И ты полагаешь, что к тому времени Дендарийский флот все еще будет существовать? Нет. Не думаю, что захочу вернуться. Я захочу идти дальше. В этом я абсолютно уверена.

– Тебе наверняка захочется работать, применить свои навыки и знания.

– Я подумывала пойти капитаном торгового флота. Там требуются практически все мои навыки, кроме умения убивать. Я устала от смерти. И хочу послужить жизни.

– Я... я абсолютно уверен, что ты блестяще справишься со всем, за что ни возьмешься. – На какое-то сумасшедшее мгновение Майлз подумал отказать им в просьбе. «Нет, вы не можете уйти, вы должны остаться со мной...» – Как вы понимаете, формально я могу лишь отпустить вас с нынешней службы. Но освободить от вассальной клятвы могу не больше, чем император Грегор – освободить меня от обязанностей фора. Однако это не мешает нам... забыть о существовании друг друга на неопределенный срок.

Элен одарила его ласковой улыбкой, на какой-то жуткий момент напомнив ему мать. Будто она считала всю систему форов в целом обыкновенной иллюзией. Да, Элен вполне самодостаточна, она не ищет ничего вне себя самой...

Это несправедливо! Люди уходят. Люди меняются по отношению к нему. Меняются, не спросив, без всякого предупреждения. Майлз готов был взвыть от чувства потери, только... «Ты потерял ее много лет назад. И эти изменения начались еще тогда. Ты просто-напросто патологически не способен признать поражение». Весьма ценное качество для военного лидера. И сущее наказание для возлюбленного. Или несостоявшегося возлюбленного.

Однако, сам удивляясь, зачем он это делает, Майлз тем не менее провел положенную церемонию. Элен с Базом по очереди встали перед ним на колени, вложив руки ему в ладони. Вытянув руки ладонями вверх, Майлз отрешенно смотрел, как узкие длиннопалые руки Элен порхнули, как выпущенные из клетки птички. «Я и не знал, что посадил тебя в клетку, моя первая любовь. Прости...»

– Что же, желаю вам всяческого счастья, – сказал Майлз, когда Элен поднялась и взяла мужа за руку. Он даже исхитрился подмигнуть. – Назовите первенца в мою честь. Идет?

Элен ухмыльнулась:

– Не уверена, что она это оценит. Майлзанна? Майлзия?

Майлзия смахивает на название болезни, – признал ошарашенный Майлз. – Ладно, тогда не стоит. Мне бы не хотелось, чтобы она, вырастая, возненавидела меня *in absentia*.²

– Когда мы можем уехать? – спросила Элен. – Сейчас у нас перерыв между контрактами. Да и в любом случае по графику у флота перерыв.

– С мат– и инженерным обеспечением полный порядок, – добавил Баз. – И разнообразия ради, в этой операции обошлись без повреждений.

«Отсрочка? Нет. Чем быстрее с этим покончим, тем лучше».

– Довольно скоро, полагаю. Конечно, мне нужно уведомить капитана Куин.

– Командора Куин, – кивнула Элен. – Не сомневаюсь, ей понравится новое звание.

Она совсем не по уставу обняла Майлза. Тот замер, стараясь напоследок запомнить ее аромат, затем дверь за ними с тихим шелестом закрылась.

Куин находилась внизу, на Сумерках Зоава. Майлз приказал, чтобы она немедленно явилась к нему, как только вернется на «Перегрин». Ожидая ее прибытия, он затребовал досье всех дендарийцев и внимательно изучил предложенные Базом кандидатуры. Кажется, все может получиться. Повысить вот этого, переместить этих двоих, чтобы заткнуть возникшую брешь... Майлз старательно заверял себя, что вовсе не пребывает в состоянии шока. В конце концов, даже его способность все драматизировать имеет предел. Конечно, он, возможно, несколько выведен из равновесия. Ну, как человек, привыкший опираться на трость и внезапно лишившийся ее. Или на шпагу-трость – как старина Куделка. Если бы не его, Майлза, личная проблемка со здоровьем, то можно сказать, что с точки зрения интересов флота супруги выбрали самый подходящий момент. Наконец появилась Куин – свежая и сияющая в чистом камуфляже, с кубом данных в руке. Поскольку они были одни, Куин поприветствовала его весьма неформальным поцелуем, на который Майлз охотно ответил.

– Барраярское посольство прислало тебе вот это, любовь моя. Может, это подарок к Зимнепразднику от дядюшки Саймона?

– Возможно.

Майлз раскодировал куб.

– Ха! Так и есть! Платежный чип. Промежуточная оплата. На Барраяре еще не знают, что мы уже все сделали. Должно быть, Иллиан захотел подстраховаться на тот случай, если мы в ходе операции выйдем за рамки бюджета. Я рад, что он так серьезно относится к сохранности личного состава Службы безопасности. Возможно, и мне когда-нибудь может понадобиться такого рода внимание.

– А тебе и понадобилось, в прошлом году. И – да, он действительно беспокоится. Уж в этом ты Имперской безопасности отказать не можешь. По крайней мере о своих они заботятся. Очень по-барраярски для организации, старающейся быть как можно современнее.

– А это что, м-м-м? – Майлз выудил еще что-то. Зашифрованные инструкции. Только для него.

Куин вежливо отошла в сторону, и Майлз быстренько просмотрел дискету на комме. Разумеется, врожденное любопытство не позволило Элли промолчать.

– И что это? Очередной приказ? Поздравления? Порицание?

– Ну... Хм. – Майлз озадаченно откинулся на спинку стула. – Коротко и неясно. Зачем это вообще нужно было шифровать? Мне приказано немедленно прибыть домой и лично явиться в штаб-квартиру Имперской безопасности. В приложении – расписание барраярского курьерского корабля, проходящего через Тау Кита, который задержится там до моего прибытия. А прибыть туда я должен как можно быстрее любым способом, включая, в случае необходимости, коммерческий рейс. Уж не пронюхали ли они там что-нибудь о недоразумении с

² Здесь: за глаза (*лат.*).

Форбергом? Здесь не сказано «завершить операцию и...», сказано просто «прибыть». Похоже, я должен все бросить и мчаться. Но если это настолько срочно, то, должно быть, речь идет о каком-то очередном срочном задании. Тогда почему в таком случае они требуют, чтобы я потратил недели на поездку домой, откуда мне придется потратить еще больше времени, чтобы добраться до флота? – И вдруг его охватил леденящий ужас. «Если это не что-то личное. Отец... Мать...» Нет. Случись что-нибудь с графом Форкосиганом, ныне служащим Империи на посту вице-короля и губернатора Зергияра, галактические службы новостей донесли бы эти сведения даже до такой дыры, как Сумерки Зоава.

– А что будет, если во время поездки у тебя опять случится припадок? – Куин, прислонившись к комм-пульту, с интересом изучала собственные ногти.

– Да ничего особенного, – пожал плечами Майлз.

– Откуда ты знаешь?

– Хм...

Взгляд Элли стал пристальным.

– А я и не знала, что психологическое неприятие так сильно отражается на интеллекте. Черт тебя побери, ты должен что-то делать с этими приступами! Ты не можешь... просто игнорировать их, хотя, похоже, именно этим ты и занимаешься.

– Я пытался что-то сделать. И думал, что дендарийский хирург с этим справится. Я хотел побыстрее вернуться на флот, к врачу, которому полностью доверяю. Ну, доверять-то ей можно, только вот она сказала, что ничем не может мне помочь. Так что теперь мне нужно придумать что-нибудь еще.

– Ей ты доверился. А мне почему нет?

Майлз изобразил неловкое пожатие плечами. Однако явная недостаточность такого рода ответа заставила его добавить:

– Она подчиняется приказам. А я боялся, что ты можешь попытаться сделать что-нибудь – для моего же блага, разумеется – вне зависимости от того, хочу я этого или нет.

Куин некоторое время переваривала услышанное, затем продолжила уже чуть менее терпеливо:

– А как насчет твоей планеты? Сейчас Императорский госпиталь в Форбарр-Султане уже почти соответствует галактическим стандартам.

Майлз немного помолчал.

– Мне следовало это сделать прошлой зимой. А теперь... теперь я вынужден искать другие возможности.

– Иными словами, ты солгал начальству. И теперь попался.

«Еще не попался».

– Ты знаешь, что я рискую потерять.

Поднявшись, он обошел комм-пульт и взял Элли за руку, не дожидаясь, когда она начнет грызть ногти. Они обнялись. Майлз откинул голову и притянул к себе Элли. По ее учатившемуся дыханию и потемневшим глазам он почувствовал: ее охватил страх, который она тщательно скрывает.

– Ох, Майлз! Скажи им... Скажи им, что тогда твой мозг еще не полностью восстановился. Что ты не отвечал за свои слова. Сдайся на милость Иллиана, и побыстрее, пока не стало хуже.

Майлз покачал головой:

– Возможно, еще неделю назад это сработало бы. Но после того, что я натворил с Форбергом? Не думаю, что может быть хуже. Я не был бы милостив к подчиненному, отколовшему такой номер. Так с какой стати Иллиан отреагирует иначе? Разве что Иллиан... пока еще не в курсе.

– Боги великие и малые! Ты что, думаешь, тебе и дальше удастся это скрывать, да?

– Из рапорта о последней операции эти сведения изымаются очень легко.
Элли ошарашенно отшатнулась.

– Твой мозг и вправду пострадал от криозаморозки!

Выведенный из себя, Майлз рявкнул:

– Иллиан постоянно культивирует свою репутацию всезнайки, но его «всезнание» сильно преувеличено! Не позволяй Глазу Гора, – он изобразил пальцами круглые значки Службы безопасности, приложил сложенные в колечко пальцы к глазам и поморгал, как сова, – пудрить тебе мозги! Мы лишь пытаемся изобразить, будто всегда знаем, что делаем. А я видел засекреченные файлы и знаю, насколько все может идти наперекосяк. Этот чип в голове Иллиана не делает его гением, а всего лишь дает ему эйдетическую память.

– Все равно есть много свидетелей.

– Все операции дендарийцев засекречены. Люди не станут болтать.

– Но не между собой. Слухи прошли по всему кораблю, причем сильно преувеличенные. Люди спрашивали меня, что произошло!

– Хм... А что ты им отвечала?

Элли сердито дернула плечом.

– Неполадки с боевой броней, разумеется.

– Ага! Хорошо. Тем не менее... они все здесь, а Иллиан – там. Далеко. Как он может узнать, если я сам ему не скажу?

– Не так уж далеко. – Губы Куин растянулись в подобии улыбки.

– Да ладно тебе. Ну, сама подумай! Если бы Служба безопасности могла узнать об этом, то узнала бы уже много месяцев назад. Совершенно очевидно, что все джексоновские перипетии ускользнули от их взгляда.

У Элли на шее запульсировала жилка.

– Ничего разумного в этом нет! Ты что, потерял хватку, утратил свой острый ум? Ей-богу, с тобой становится так же невозможно иметь дело, как с твоим братцем-клоном Марком!

– А Марк-то тут при чем? – Плохой признак. Сейчас они непременно поссорятся. Все три самые жаркие ссоры, возникавшие у них с Элли, были из-за Марка, и все – совсем недавно. О Господи! Он избегал – насколько мог – привычной близости с Куин во время нынешней операции. Боялся, что она увидит припадок. Майлз сильно сомневался, что сможет выдать приступ за некий новый вид оргазма. Уж не подумала ли она, что его холодность вызвана их разногласиями по поводу его брата? – Марк тут абсолютно ни при чем!

– Еще как при чем! Если бы ты не полез ему на выручку, тебя бы не убили! И у тебя не случилось бы короткое замыкание в мозгах! Может, ты и считаешь, что Марк – лучшее, что есть в мире, после двигателя Неклина, а я эту маленькую толстую жабу ненавижу!

– Ну а я люблю маленькую толстую жабу! Кто-то же должен его любить. Готов поклясться, ты просто ревнуешь! Ну, не будь такой стервой!

Теперь они уже стояли друг напротив друга, сжав кулаки и тяжело дыша. Если дойдет до драки, он проиграет. И Майлз решительно ринулся в атаку.

– Баз с Элен уходят в отставку, ты об этом знаешь? Так что я произвожу тебя в командоры и назначаю своим заместителем вместо База. Пирсон займет место главного инженера. Ты также становишься капитаном «Перегрина» до воссоединения с оставшейся частью флота. Выбор нового капитана «Перегрина» станет твоим первым приказом по личному составу. Выбери кого-нибудь, кому можешь до... с кем сможешь сработать. Свободна!

Черт побери, совсем не так хотел он предоставить Куин столь долгожданное повышение. Он намеревался положить новое назначение к ее ногам, как ценный трофей, чтобы порадовать ее душу. Чтобы вознаградить ее за все. А не швырять, как сковородку в разгар семейной ссоры, когда слов уже не хватает.

У Элли отвисла челюсть. Она открыла рот, потом закрыла. Потом опять открыла.

– И ты думаешь куда-нибудь ехать без меня, твоего телохранителя? – возмутилась она. – Если мне не изменяет память, Иллиан однозначно приказал, чтобы ты не передвигался без охраны. Или тебе мало того, что ты уже натворил, чтобы разрушить свою карьеру?

– В этом секторе телохранитель – всего лишь формальность, пустая трата средств. – Он набрал побольше воздуха. – И я возьму с собой... сержанта Тауру. Такой телохранитель удовлетворит самого параноидального шефа Безопасности. А Таура уж наверняка заслужила отпуск.

– Ах, ты... – Большая редкость: Куин, утратившая дар речи. Развернувшись, она направилась к двери, где снова повернулась к нему лицом и резко отсалютовала, вынудив его ответить тем же. Увы, автоматической дверью хлопнуть нельзя, однако шелест, с которым она задвинулась за спиной Куин, сильно походил на змеиное шипение.

Майлз плюхнулся на стул и оперся на комм. Поколебавшись, он вызвал сокращенный отчет о задании и зашифровал его на дискету. Затем вызвал полную версию – и нажал кнопку «Стереть».

«Сделано».

Сунув зашифрованный доклад в сумку с кодированным замком, он швырнул ее на койку, медленно поднялся и начал собираться домой.

Глава 3

Единственные свободные смежные каюты на борту таукитянского скачкового корабля, ушедшего с Сумерек Зоава, оказались каютами-люкс. Майлз улыбнулся такой «неудаче», сделав себе мысленную пометку объяснить эти расходы необходимостью секретности, причем объяснить желательно после того, как он расскажет о сногшибательной выручке, полученной за последнюю операцию. Он поиграл с этой мыслью, размещая багаж и ожидая, когда сержант Таура покончит с тщательным обследованием корабля.

Каюты были светлыми, койки – широкие и мягкие, ванные комнаты – комфортабельные. Им даже не придется выходить, чтобы поесть, – все обслуживание входило в стоимость билета. Как только корабль окажется в открытом космосе, все семь дней полета они смогут жить в собственном замкнутом мире.

Вот следующая часть путешествия домой будет не столь удобной. На пересадочной станции Тау Кита он сменит мундир, а вместе с мундиром – и личность. На борт барраярского корабля взойдет лейтенант Майлз Форкосиган, лорд-фор, имперский курьер. Скромный молодой офицер в том же звании и с теми же полномочиями, что и несчастный лейтенант Форберг.

Майлз встряхнул зеленый барраярский мундир и повесил в стенной шкаф, где уже стояли аккуратно упакованные форменные сапоги. Личина имперского курьера всегда служила отличным прикрытием во время многочисленных перелетов к дендарийцам и обратно. Курьер никому ничего не обязан объяснять. Ни при каких обстоятельствах. Отрицательной же стороной путешествия будет то, что общество там исключительно мужское – одни военные и, увы, все – барраярцы. Сержант Таура сможет отбыть к дендарийцам, а Майлз останется со своими соотечественниками – подданными барраярского императора.

Майлз заранее предвидел их реакцию на его явное физическое несоответствие военной службе. Открыто, конечно, никто ничего не скажет – для них совершенно очевидно, что Майлз получил эту синектуру благодаря могучей протекции со стороны отца – вице-короля адмирала Фор-такого-то. Именно такая реакция ему и была нужна, чтобы сохранять прикрытия. Лейтенант Форкосиган Унылый не предпримет ровным счетом ничего, чтобы убедить их в ошибочности суждений. А может, в команде будет кто-то, с кем ему уже доводилось летать и кто привык к его необычной внешности.

Майлз запер шкаф. Пусть лейтенант Форкосиган с его заботами пока недельку отдохнет. У адмирала Нейсмита найдутся заботы и поприятнее.

Сержант Таура наконец вернулась. Просунув голову в дверь, она сообщила:

– Все чисто. «Жучков» нигде не обнаружено. Вообще-то с момента нашего появления на борту не появилось ни новых пассажиров, ни груза. Мы только что ушли с орбиты.

Майлз улыбнулся, подняв голову. Его самый уникальный дендариец, и один из лучших. Впрочем, не мудрено, что Таура отлично справляется со своими обязанностями. Для этого ее и создали.

Ведь Таура – единственный оставшийся в живых результат одного весьма сомнительного генетического проекта, разработанного, конечно же, на Архипелаге Джексона. Дом Бхарапутра надумал получить суперсолдата. Для чего была создана целая лаборатория, в которой работали одни биоинженеры и ни одного опытного военного. На выходе требовалось нечто впечатляющее, что могло произвести на клиента незабываемое впечатление. И тут они, безусловно, преуспели.

Когда Майлз впервые повстречался с Таурой, ей было всего шестнадцать, но она уже достигла восьмифутового роста и состояла из сплошных мышц. Пальцы на руках и ногах заканчивались острыми когтями, а в уголках рта торчали клыки. Тело ее источало жар, вызванный бешеным метаболизмом, которому она была обязана необыкновенной силой и скоростью реак-

ции. Все это, вкупе с золотисто-янтарными глазами, придавало ей несколько волчий облик. Когда Таура полностью отдавалась работе, ее злобный взгляд мог вынудить вооруженных до зубов мужчин побросать оружие и грохнуться наземь. Эдакий психологический эффект, свидетелем которого Майлзу как-то раз довелось быть к его великому удовольствию.

Майлз довольно долго считал, что Таура – одна из самых красивых женщин, которых ему доводилось встречать. В своем роде, конечно. Нужно только уметь увидеть. Он мог припомнить каждый из немногих случаев, когда им довелось заниматься любовью, начиная с первой встречи семь лет назад. Вообще-то, если честно, это было еще до того, как у них все началось с Куин. В каком-то смысле Таура была первой для него, а он – для нее, и эта тайна по-прежнему сближала их.

О, они очень старались быть хорошими! Дендарийский устав, запрещающий связи между начальниками и подчиненными, был придуман ради общего блага – чтобы защитить рядовых от эксплуатации, а офицеров – от дисциплинарных проблем. И Майлз, тогда еще совсем молодой и очень серьезный адмирал Нейсмит, был весьма решительно настроен подавать положительный пример своим подчиненным. Достойное решение, которое испарилось... когда-то. Возможно, после какого-то бессчетного раза, когда его чуть не убили.

Ну, раз уж не можешь быть хорошим, будь по крайней мере скрытным.

– Отлично, сержант. – Он протянул ей руку. – Можешь расслабиться... на следующие дни семь, а?

Лицо Тауры засияло, и губы растянулись в улыбке, обнажив внушительного вида клыки.

– Правда? – Ее звучный голос задрожал.

– Правда.

Таура мгновенно подскочила к нему – при этом пол каюты слегка содрогнулся – и одарила многообещающим поцелуем. Ее губы, как всегда, оказались горячими и возбуждающими. Огромные клыки придавали еще больше пикантности. Но главное – ее уникальный рост. Таура спешила жить, торопясь испробовать все, жила одним днем. И имела на это все основания... Майлз заставил себя не думать о будущем и запустил руку в ее густые черные волосы.

– Пойду освежусь, – ухмыльнулась Таура, оторвавшись от него и указывая на свою измятую форму.

– И постарайся получить максимум удовольствия, – сердечно напутствовал ее Майлз. – Таких сказочных условий, как здесь, я не встречал с Посольских бань Станции Дина.

Он удалился к себе, чтобы снять форму с адмиральскими нашивками и предаться упоительной процедуре подготовки к приятному времяпрепровождению. То есть побриться, помыться и сбрызнуться одеколоном. Таура заслуживает самого лучшего. Она так редко имеет возможность сбросить личину сурового сержанта, под которой скрывается очаровательная, слегка застенчивая женщина. Застенчивая и ранимая. Майлз всегда думал о ней как о Сказочной Принцессе. «Похоже, все мы имеем скрытую сущность».

Завернувшись, как в саронг, в махровое полотенце, он устроился на койке, с нетерпением ожидая появления Тауры. Интересно, предвидела ли она такую возможность, и если да, то какой наряд на этот раз прихватила с собой? Она наверняка захочет испытать на нем воздействие этих якобы сексуальных вещичек. Таура совершенно не осознавала, насколько она похожа на золотистую богиню, когда единственным украшением ей служат роскошные струящиеся черные локоны. Ну, ладно, положим, не струящиеся, а торчащие в разные стороны и щекочущие ему нос, но Тауре такая прическа очень идет. Майлз понадеялся, что на сей раз она не взяла с собой ту кошмарную розовую штуку с красными перьями. Потребовалась вся его тактичность, чтобы исподволь внушить Тауре, что такой цвет и фасон ей совсем не к лицу, и при этом ни разу не упомянуть о ее вкусе или внешности. Таура способна одной рукой свернуть ему шею, но он может убить ее одним только словом.

Таура появилась, и лицо Майлза засияло нескрываемым восторгом. На ней было что-то кремовое, нежное и шелковистое. Метры тонкой и прозрачной ткани. Такой тонкой, что ее запросто можно продеть сквозь колечко. В этом одеянии Таура еще больше походила на богиню.

– Просто великолепно! – с энтузиазмом выдохнул Майлз.

– Ты и вправду так считаешь?

Она покрутилась перед ним. Легкий шелк взлетел волнами, распространяя пряный аромат, который приятно щекотал ноздри и, казалось, проникал прямо в мозжечок. Огромные когти Тауры были аккуратно подстрижены и покрыты золотистым лаком. «Отлично, значит, на сей раз обойдемся без царапин».

Таура легла рядом, и разница в росте вдруг стала совсем незначительной. Теперь они наконец могли удовлетворить свое желание человеческой – или почти человеческой – близости, не боясь внезапного вторжения и не опасаясь грубых комментариев... Майлз мысленно ошетинился, представив, что кто-то застал их вот так и расхохотался или отпустил скабрезную шутку. Интересно, его столь обостренная реакция вызвана тем, что он нарушает им же придуманный устав, или чем-то иным? Он ведь вовсе не рассчитывал на то, что кто-то способен понять их с Таурой отношения.

Да и понимает ли их он сам? Раньше он пробормотал бы что-нибудь насчет одержимости скалолазанием – самой сокровенной сексуальной фантазии любого мужчины-недомерка. Потом, став постарше, возможно, изрек бы что-нибудь относительно торжества жизни над смертью. А может, на самом деле все гораздо проще.

Может, это просто любовь?

Проснувшись, Майлз долго смотрел на спящую Тауру. Она не проснулась, едва он пошевелился. А ведь того требовала заложенная в ней генетическая программа. Значит, она действительно ему доверяет?

Майлз изучал игру света и тени на ее длинном-длинном теле цвета слоновой кости, полускрытом изрядно помятой простыней. Он провел ладонью над женственными изгибами, не касаясь тела и ощущая жар, исходящий от золотистой кожи. От ее легкого дыхания тени колыхались в танце. Дыхание ее было, как всегда, чуть ускоренным и глубоким. Майлзу так хотелось замедлить его. Ведь дни ее сочтены. Эти вдохи и выдохи... Когда она исчерпает весь запас...

Таура единственная выжила из всех своих собратьев. Все они были генетически запрограммированы на короткую жизнь. Отчасти, возможно, для большей прочности, отчасти в попытке сделать их бесстрашными воинами. Видимо, генетики руководствовались некоей глупой теорией, что короткой жизнью легче жертвовать в бою, чем длинной. Майлз считал, что эти генетики мало что понимали в храбрости, да и в жизни вообще. Суперсолдаты умирали быстро, когда приходил срок, не страдая годами от старческих болезней. Они страдали лишь несколько недель, от силы месяцев, стора я столь же быстро, как и жили. Будто им было суждено сгореть в пламени, а не медленно умирать в бессилии. Майлз поглядел на тоненькие серебряные нити в черной шевелюре Тауры. В прошлом году их еще не было.

«Господи, ей ведь всего двадцать два года!»

Главный врач дендарийцев тщательно обследовал ее и выдал медикаменты, замедляющие метаболизм. Теперь Таура ела только за двоих, а не за четверых. Год за годом врачи тянули жизнь Тауры наподобие тонкой золотой нити. И все же когда-нибудь нить оборвется.

Сколько ей осталось? Год? Два? Когда он в следующий раз вернется к дендарийцам, будет ли она жива? поприветствует ли его официальным «здравствуйте, адмирал Нейсмит» на людях и весьма неформальным, чтобы не сказать грубым «привет, любовничек!» наедине?

«Хорошо, что она любит адмирала Нейсмита. Лорду Форкосигану такое не по плечу».

С некоторой долей вины он подумал о другой любовнице адмирала Нейсмита. Всем известной и признанной Элли Куин. Нет необходимости объяснять свою влюбленность в прекрасную Куин, настолько всем очевидно, что она ему подходит по всем статьям.

Если уж быть точным, то неверно говорить о том, что он неверен Элли Куин. Таура появилась раньше. И они с Куин не давали друг другу клятв и обещаний. Хотя он неоднократно и безуспешно делал ей предложение. Но она тоже любила адмирала Нейсмита. А не лорда Форкосигана. Одна мысль стать леди Форкосиган и оказаться навечно прикованной к планете, которую сама Элли иначе как «комком грязи» не называла, заставляла ее, рожденную на космической станции, с воплем бежать куда подальше или как минимум неловко просить позволения удалиться.

Любовная жизнь адмирала Нейсмита – в некотором роде мечта подростка: безграничный, иногда совершенно невероятный секс и никаких обязательств. Так почему же это вдруг перестало его удовлетворять?

Он любит Куин. Любит ее ум, ее напористость, ее кипучую энергию. Элли – лучший друг, какой у него когда-либо был. Но в конечном итоге она может предложить ему лишь... пустоту. У них не больше совместного будущего, чем было у него с Элен, привязанной к Базу, или у него с Таурой. Которая умирает.

«Боже, как мне больно». Перестать быть адмиралом Нейсмитом и стать снова лордом Форкосиганом – чуть ли не облегчение. У лорда Форкосигана сексуальной жизни нет совсем.

Майлз задумался. Так... когда же это началось, этот... пробел в его жизни? «Довольно-таки давно, по правде говоря». Странно. Он этого прежде не замечал.

Медово-золотистые глаза Тауры приоткрылись, и она одарила его сонной улыбкой.

– Проголодалась? – поинтересовался Майлз, заранее зная ответ.

– Угу.

Следующие несколько минут они посвятили приятному изучению длинного и разнообразного меню. Затем сделали большой заказ. Имея рядом Тауру, радостно сообразил Майлз, он может перепробовать практически все блюда, не рискуя оставить кучу недоеденной пищи.

В ожидании заказа Таура взбила подушки и, прислонившись к ним, села в постели. Глядя на Майлза светящимися золотыми глазами, она спросила:

– А ты помнишь, как впервые накормил меня?

– Да. В подземелье Риоваля. Мерзкой плиткой сухого рациона.

– Уж лучше сухой рацион, чем сырые крысы, должна заметить.

– Теперь я могу позволить себе кое-что получше.

– И насколько!

Когда людей спасают, они должны и впредь оставаться в безопасности. Разве нет? А потом мы живем долго и счастливо, верно? Пока не умрем. Но теперь, с этими конвульсиями, разве он может быть уверен, что Таура уйдет первой? Может, в конечном счете первым уйдет адмирал Нейсмит...

– Это была одна из самых первых моих операций. И в некотором роде до сих пор – одна из лучших.

– А это... для тебя это была любовь с первого взгляда?

– М-мм... по правде говоря, нет. Скорее, ужас с первого взгляда. Влюбился я через час или около того.

– Я тоже. Я по-настоящему влюбилась в тебя, когда ты за мной вернулся.

– Ты ведь знаешь... что изначально это была вовсе не спасательная операция. – Явное преуменьшение. На самом деле его наняли «положить конец эксперименту».

– Но ты превратил ее в спасательную. Мне кажется, это твое любимое занятие. Ты всегда радуешься, когда проводишь именно такие операции. Независимо от того, насколько скверно поворачивается дело.

– Не все награды в моем деле измеряются деньгами. Я вовсе не отрицаю, что получаю хороший эмоциональный пинок, когда пытаюсь вытащить кого-то совершенно отчаявшегося из глубокой-преглубокой ямы. Особенно когда все остальные считают это совершенно невозможным. Я обожаю производить впечатление, а публика всегда такая благодарная.

Ну, разве что кроме Форберга.

– Я иногда думаю, не похож ли ты на того барраярского парня, о котором ты мне как-то рассказывал. Ну, того, который дарил всем на Зимнепраздник печеночный паштет. Потому что сам его любил. И вечно огорчался, что никто не дарит паштета ему.

– Меня спасать не требуется. Как правило.

Прошлогоднее пребывание на Архипелаге Джексона было достопамятным исключением. Только вот в его воспоминаниях об этом эпизоде имелаась огромная трехмесячная дыра.

– М-мм, не то чтобы спасать. Я имела в виду то, что следует за спасением. Свободу. Ты даришь свободу всем, когда только можешь. Ты поступаешь так потому, что это то, чего ты сам хочешь?

«И не могу получить?»

– Не-а. Просто я люблю риск.

Прибыл обед на двух тележках. Майлз встретил официанта на пороге и немедленно ото-слал. И они с Таурой занялись милыми домашними хлопотами, расставляя блюда. Каюта была настолько просторной, что стол был не выдвижной, а обычный, намертво прикрученный к полу. Майлз пощипывал еду, наблюдая за Таурой. Процесс кормления Тауры всегда доставлял ему непонятную радость. Это само по себе являлось весьма впечатляющим зрелищем.

– Не пропусти вот эти маленькие сырные пирожки в пикантном соусе, – подсказал он. – Уверен, в них куча калорий.

– Спасибо.

Наступило мирное молчание, нарушаемое лишь мерным чавканьем.

– Удовлетворена? – поинтересовался Майлз.

Таура проглотила кусочек крошечного пирожного в форме звезды.

– О, да!

Майлз улыбнулся. У нее положительно талант быть счастливой, живя одним днем. Преследует ли ее когда-нибудь видение близкой смерти, выходящей над ней, как ворон?

«Да, конечно, преследует. Но не будем портить себе настроение».

– Что ты подумала, когда узнала в прошлом году, что на самом деле я – лорд Форкосиган? Что адмирал Нейсмит – фикция?

Таура пожала плечами:

– Мне это показалось правильным. Я всегда думала, что ты что-то вроде переодетого принца.

– Это вряд ли! – рассмеялся Майлз. «Боже, избавь меня от императорского трона. Аминь». А может, он лжет именно сейчас. Может, именно адмирал Нейсмит – реальный человек, а лорд Форкосиган – всего лишь маска. Ему так легко давался бетанский акцент адмирала Нейсмита. А гортанный барраярский выговор лорда Форкосигана требовал сознательного усилия. И чем дальше, тем больше. Становиться Нейсмитом так легко, а Форкосиганом так... болезненно.

– На самом деле, – вернулся он к предыдущей теме, уверенный, что Таура не станет возражать, – свобода – это как раз то, чего я вовсе не хочу. В смысле не иметь цели или... или оказаться безработным. – «Особенно безработным». – Мне нужно не свободное время... не считая настоящего момента, – поспешно добавил он. Таура поощрительно кивнула. – Я хочу... мое предназначение, наверное... Быть или стать настолько полностью собой, насколько это возможно.

Например, создав адмирала Нейсмита, чтобы сохранить все те части своей личности, которым нет места на Барраяре.

Он уже думал об этом. Господи, да тысячу раз. Забыть навсегда о Форкосигане, стать просто Нейсмитом. Сбросить финансовые и патриотические оковы Службы безопасности. Стать изменником, зажить в галактике вместе со Свободным Флотом Дендарийских Наемников. Но это билет в один конец. Для фора обладание личной армией – государственная измена. Совершенно незаконная вещь, тяжелейшее преступление. Ступив на этот путь, он больше никогда не сможет вернуться домой.

Но в первую очередь он не может поступить так с отцом. «Граф-мой-отец», все произносится на одном дыхании. Ни за что, пока старик жив и связывает все свои идеи преобразования Барраяра с сыном. В реакции матери он не так уверен. Даже прожив тридцать лет на Барраяре, она бетанка до мозга костей. В принципе у нее не было бы возражений, но она не слишком одобряет военную карьеру. Но и не одобряет тоже. Просто отчетливо дает понять, что для разумных людей есть гораздо более интересные вещи в жизни. И когда отец умрет... Майлз станет следующим графом Форкосиганом, с майоратом и голосом в Совете графов и каждодневными дурацкими обязанностями... «Живи, отец, живи как можно дольше».

Но ведь есть в нем, в Майлзе, и некоторые глубины, где нет места и адмиралу Нейсмиту.

– Кстати, о памятных спасательных операциях, – вернул его к действительности голос Тауры. – Как поживает твой клон-близнец Марк? Он уже нашел свое предназначение?

По крайней мере Таура не называет его единственного брата толстой маленькой жабой. Майлз благодарно улыбнулся.

– Насколько я понимаю, поживает он отлично. Он улетел вместе с родителями на Зергияр, пробыл там с ними некоторое время и уехал на Колонию Бета. По просьбе матери там за ним присматривает наша бетанская бабушка. Он поступил в университет Силики – города, где она живет – и изучает там, помимо всего прочего, бухгалтерию. Ему, похоже, это нравится. Вот чего я никак не пойму. Мне почему-то казалось, что близнецы должны иметь больше общего, чем обычные братья.

– Может быть, с возрастом у вас появится больше общего.

– Сомневаюсь, что Марка когда-нибудь снова заинтересует карьера военного.

– Да, но, возможно, тебя заинтересует бухгалтерия.

Майлз подозрительно покосился на нее. О, отлично! Она таки шутит. Это видно по хитрым морщинкам в уголках глаз. Но даже когда она посерьезнела, похожие на птичьи следы морщинки все равно остались.

– Ну, если не стану таким толстым, как он...

Майлз медленно потягивал вино. Разговор о Марке навел на воспоминания об Архипелаге Джексона, пребывании в криостазе и последовавших за оживлением проблемах. А также о докторе Дюрона, его криохирурге. Удалось ли клану Дюрона основать клинику на Эскобаре, вдали от их ненавистой бывшей родины? Должно быть, Марку об этом известно. Судя по его посланиям, он по-прежнему переводит им деньги. А если удалось, готовы ли они принять нового, точнее, старого пациента? Очень-очень тайно.

Он может взять долгосрочный отпуск, якобы с целью посетить родителей на Зергияре. А с Зергияра до Эскобара рукой подать. А там он сможет увидеть Вербену Дюрона... А может, ему даже удастся представить это Иллиану как поездку к любовнице. Или по крайней мере преподнести эту версию отцу. Агентам Имперской безопасности неохотно, но разрешали иметь личную жизнь. Хотя если у Иллиана таковая имеется, то это новость. Короткий роман с Вербеной был в некотором роде ошибкой. Случайность. Следствие криоамнезии. Но расстались они, похоже, вполне дружески. Сможет ли он убедить ее заняться его лечением втайне, без всякой документации, которая может попасть в лапы Имперской безопасности?

Такое вполне возможно... Привести в порядок голову, что бы там в ней ни нарушилось. И спокойно жить дальше. И никто и знать не будет. Верно?

Какая-то его часть уже сожалела о том, что он не зашифровал оба варианта рапорта для Имперской безопасности, чтобы принять окончательное решение позже, когда будет время на размышление. Возьми одно и съешь другое. Но теперь он обречен. А раз обречен, то ему необходимо что-то более надежное, чем просто удача.

И Эскобар давал такой выход. Как только позволит время. Ну, очень неприятно, что на этот раз он летит домой не через Эскобар.

Майлз выпрямился и оглядел гору пустой посуды на столе. Больше походит на пейзаж после битвы, после того, как... ну, после того, как Таура наелась. Уборка не требуется. Он посмотрел на кровать.

– Что, миледи? Спать? Или как?

Таура проследила его взгляд.

– Или как. А потом спать, – решила она.

– К вашим услугам. – Он по-форски поклонился, встал и протянул ей руку. – Пользуйтесь ночным временем.

Глава 4

В соответствии со стандартной процедурой встречи курьера автомобиль Имперской безопасности с шофером, ожидавший в военном космопорту в пригороде Форбарр-Султана, отвез Майлза прямо в штаб-квартиру Имперской безопасности. Жаль, что шофер не замедлил хода или не объехал вокруг квартала пару-тройку раз. Слишком быстро в окне показалось здание Имперской безопасности Барраяра. Будто всех этих муторных недель, которые он на борту барраярского корабля провел в размышлениях, недостаточно. Размышлять больше не над чем, нужно действовать.

Миновав контрольно-пропускной пункт, машина скользнула в ворота к массивному серому строению, огромному, мрачному и зловещему. Подобное впечатление было вызвано вовсе не мрачным настроением Майлза. Здание Имперской безопасности – одно из самых чудовищных сооружений Форбарр-Султана. Приезжие из глубинки, которым полагалось бы избегать этого места, как чумы, специально старались проехать мимо, чтобы взглянуть на творение пресловутого архитектора, который, если верить легенде, умер совершенно свихнувшимся после внезапного устранения своего покровителя императора Ури. Шофер провез Майлза вдоль угрюмого фасада к потайному входу, предназначенному для курьеров, шпионов, информаторов, аналитиков, секретарей и вообще всех, кому положено.

Отпустив машину, Майлз некоторое время постоял на осенней прохладе. У него возникла неприятная уверенность, что его тщательно разработанный план ни за что не сработает.

«А даже если и сработает, то я обречен вечно ходить с подвешенным над головой топором в ожидании разоблачения *ex post facto*.³ «Нет уж, только не это. Конечно, он отдаст отредактированный рапорт, выбора нет, но потом (не дожидаясь, пока шеф прочтет эту чертову штуку) устно доложит Иллиану и расскажет все как есть. Представит дело так, будто посчитал, что сведения о его состоянии здоровья настолько „горячие“, что он побоялся записывать их даже шифром. Будто он изначально собирался вывалить новость Иллиану на голову для принятия решения. В любом случае добраться до дому быстрее Майлз не мог физически.

Если он простоит здесь еще немного, притворяясь, будто рассматривает стилизованных гранитных монстров, вырезанных на дверной перемычке – «сушеные горгульи», как назвал их какой-то шутник, – наверняка появится охранник и вежливо поинтересуется, что он тут делает. Майлз решительно свернул плащ, аккуратно перебросил его через руку, прижал к груди закодированный куб и вошел.

Охранник на проходной после обычной проверки пропустил его без всяких комментариев. Все шло, как обычно. Майлз оставил плащ – специально пошитый на заказ для его, прямо скажем, нестандартной фигуры – в гардеробе. То, что ему предоставили самому добираться до довольно-таки труднодоступного кабинета Иллиана, показывало степень его, Майлза, надежности. Чтобы попасть на этаж, где расположился Иллиан, нужно подняться на двух разных лифтах, а потом еще спуститься на третьем.

Благополучно миновав последнее сканирование в коридоре, Майлз обнаружил, что дверь в приемную Иллиана открыта. Секретарь сидел на месте и беседовал с генералом Лукасом Гарошем, главой Департамента внутренних дел. Почему-то сей титул всегда вызывал у Майлза мысль о жиголо, специализирующимся на скукающих женах, но на самом деле это была одна из самых мерзких и неблагодарных работ Службы безопасности. Департамент занимался отслеживанием возможных заговоров и антиправительственных группировок на Барраяре. Коллега Гароша генерал Аллегре занимался тем же самым на упрямой завоеванной Комарре.

³ после свершившегося факта (*лат.*).

В тех редких случаях, когда Майлз не докладывал непосредственно Иллиану, он, как правило, имел дело с главой Департамента по делам галактики (довольно-таки экзотическое и вызывающее название). Но ДДГ находился на Комарре, а сейчас Майлзу было приказано отправиться прямо на Барраяр. Можно предположить, что дело не терпит отлагательства. Может, оно настолько срочное, что Иллиан не придаст особого значения скверным новостям?

– Приветствую, капитан. Здравствуйте, генерал Гарош. – Как младший офицер, Майлз отдал честь. Ему ответили тем же. Секретаря Иллиана Майлз знал не очень хорошо. Капитан занимался этим неблагодарным делом года два, а Майлз работал непосредственно с Иллианом уже не менее шести лет.

Секретарь протянул руку к закодированному кубу.

– А, ваш рапорт. Отлично. Распишитесь, пожалуйста.

– Я... вроде как собирался вручить его шефу лично. – Майлз кивнул на закрытую дверь кабинета Иллиана.

– Сегодня это невозможно. Его нет.

– Нет? Я рассчитывал... У меня есть кое-какие личные комментарии.

– Я могу ему передать, как только он придет.

– А он скоро вернется? Я мог бы подождать.

– Не сегодня. Его нет в городе.

«Черт!»

– Ну, что ж... – Майлз нехотя протянул куб секретарю и четырежды прижал ладонь к комму, чтобы подтвердить передачу. – А... он не оставлял для меня никаких распоряжений? Ему должно быть известно о моем прибытии.

– Да, лейтенант. Вам приказано отдыхать, пока вас не вызовут.

– Я думал, что дело срочное, раз мне приказали прибыть с первым же кораблем. Я уже отдохнул несколько недель в дороге.

– Ничего не могу сказать, – пожал плечами капитан. – Иногда Имперская безопасность вспоминает, что является военным учреждением. Срочно беги и жди.

Да, из этого никакой информации не вытянешь. Но ежели у него столько времени, тогда тихонько слетать на Эскобар для тайного лечения можно прямо сейчас...

– Отдыхать, значит? А я могу навестить родителей на Зергияре?

– Боюсь, что нет. Вы должны быть готовы явиться по вызову в течение часа. Так что лучше вам не покидать города. Мне очень жаль, лейтенант Форкосиган.

«И вполтину не так, как мне». М-да, ни один план боевых действий не выдерживает первого столкновения с противником.

– Что ж... тогда передайте, пожалуйста, Иллиану, что я хотел бы с ним встретиться при первой же возможности.

– Непременно, – кивнул секретарь, делая пометку в своих записях.

– Как поживают ваши родители, лейтенант Форкосиган? – поинтересовался генерал Гарош. Выглядел генерал лет на пятьдесят, но в волосах его уже пробивалась седина. Майлзу нравился его тембр голоса, низкий и глубокий, иногда с оттенком юмора. Даже прожив столько лет в столице, генерал по-прежнему говорил с легким акцентом, выдававшим уроженца западных провинций. Своими способностями Гарош завоевал блестящую репутацию в Имперской безопасности, будучи при этом практически неизвестен за ее пределами. Качество, весьма импониравшее Майлзу. Он начал работать в центральном аппарате на год или два раньше Майлза. Но за десять лет на такой работе, подумал Майлз, кто угодно поседет. А язва желудка Гарошу точно обеспечена.

– Думаю, сэр, вы располагаете более свежими данными. Моя почта, наверное, еще лежит в ДДГ на Комарре.

Гарош развел руками:

– Иллиан изыал Зергияр из моего ведомства и создал отдельный Департамент по делам Зергияра, наподобие департамента по Комарре.

– Вряд ли там столько проблем, чтобы создавать отдельный департамент, – сказал Майлз. – Колония существует меньше тридцати лет. Население не достигает и миллиона, верно?

Секретарь кивнул.

Гарош улыбнулся с оттенком горечи:

– Лично я полагал, что это преждевременное решение, но то, чего хочет прославленный вице-король граф Форкосиган... обычно сбывается.

Он прикрыл глаза, словно не желал, чтобы Майлз заметил его многозначительный взгляд.

«Не вздумайте нести эту чушь о протекции, Гарош. Уж вам-то хорошо известно, чем я действительно занимаюсь. И насколько хорошо справляюсь со своей работой».

– Похоже на очередную синекуру. Колонисты слишком заняты насущными делами, чтобы вступать в дискуссии. Может, мне следует попроситься на должность руководителя.

– Боюсь, этот пост уже занят. Полковником Олышанским.

– О? Я слышал, что он очень уравновешенный человек. Зергияр, несомненно, занимает важное место относительно п-в-туннеля, но я думал, что этим аспектом занимается департамент по делам галактики. Полагаю, Иллиан смотрит вперед. – Майлз вздохнул. – Видимо, я могу идти домой. Когда понадобится, меня можно найти в особняке Форкосиганов.

Губы секретаря растянулись в злобещей ухмылке.

– О, в случае необходимости мы найдем вас где угодно.

Дежурная шутка Службы безопасности. Майлз послушно рассмеялся и сбежал.

К последнему лифту он подошел одновременно с каким-то капитаном, темноволосым субъектом средних лет с внимательными карими глазами и римским профилем: очень знакомая, но совершенно неожиданная здесь физиономия.

– Дув Галени! – воскликнул Майлз. – Что вы здесь делаете?

– О, привет, Майлз. – Галени улыбнулся, насколько вообще был способен улыбаться, то есть соорудил радостную гримасу. Он слегка постарел и пополнил, но выглядел довольным и уверенным. – Работаю, конечно. Я снова вернулся сюда.

– В прошлую нашу встречу вы занимались контрразведкой на Комарре. Значит, вас повысили? Проснулась тяга к кабинетной работе? Или решили погреться в лучах имперской мощи?

– Все вышеперечисленное плюс... – Галени огляделся, словно желая лишний раз убедиться, что они одни. Что же это за секрет такой, о котором можно говорить только шепотом даже здесь, в самом центре лабиринта? – Эта женщина...

– Бог мой, звучит похоже на кузена Айвена. Итак, вы, женщина и?..

– Не смейте надо мной смеяться. Разве вы сами... э-э-э... не связаны с великолепной Куин?

Майлз чуть не скривился, вспомнив о последней ссоре с Элли.

– Более или менее.

Ему необходимо вернуться и разобраться с Куин при первой же возможности. Она достаточно остыла, чтобы проводить его, когда он сядет на катер «Перегрина», но их прощание было официальным и натянутым.

– Ну так вот, – продолжил Галени. – Она комаррианка. Из семьи Тоскане. Защитив на Комарре докторскую по теории бизнеса, она начала работать в семейном торговом концерне. А теперь является постоянным представителем торговой группы комаррских концессий в Форбарр-Султане. Своего рода посредник между ними и Империей. Блистательная женщина.

В устах Галени, который сам получил докторскую степень по истории еще до того, как стал первым комаррцем, принятым на военную службу Барраяра, это была высокая оценка.

– Так... вы за ней ухаживаете или думаете взять на работу в свой департамент?

Майлз готов был поклясться, что Галени едва не вспыхнул.

– Это серьезно, Форкосиган!

– И амбициозно. Если она из тех самых Тоскане.

– Я сам был когда-то из тех самых Галенов. Когда Галены еще стояли в том же ряду.

– Подумываете о восстановлении фамильного состояния, а?

– М-м-м... времена меняются. Все движется вперед. Полагаю, и мне пора заняться личной жизнью. Мне ведь почти сорок, знаете ли.

– Стоите на пороге старческой немощи, – ухмыльнулся Майлз. – Ладно, поздравляю. Или мне следует пожелать удачи?

– Пожалуй, удачи. Поздравлять пока рановато. Но, надеюсь, скоро придет черед и поздравлений. А вы?

«Моя личная жизнь в данный момент очень сложная. Во всяком случае... личная жизнь адмирала Нейсмита».

– А, работа? В настоящий момент я... э-э-э... не занят. Я только что вернулся из небольшого галактического круиза.

Галени понимающе поднял бровь. О состоявшейся несколько лет назад встрече с дендарийцами и адмиралом Нейсмитом у него, несомненно, сохранились весьма живые воспоминания.

– Вы вверх и внутрь или вниз и на улицу?

Майлз указал на лифт, ведущий вниз.

– Домой. Получил несколько дней отпуска.

– Тогда, может быть, мы еще встретимся где-нибудь в городе. – Галени кивнул и, весело козырнув, зашел в лифт.

– Надеюсь. До встречи. – Майлз, в свою очередь, вошел в соседнюю кабину и спустился к выходу.

На улице Майлз помедлил, решая небольшую проблемку. Обычно после доклада он либо вызывал машину из резиденции отца, с оруженосцем или слугой за рулем, или – что случалось гораздо чаще – обнаруживал машину, уже поджидающую его у выхода из логова Иллиана. Но оруженосцы, слуги, машины и прочие отбыли вместе с графом и графиней Форкосиган во дворец вице-короля на Зергияре. (Об оном дворце мать в одном из посланий сухо сообщила, что термин «дворец» является явным эвфемизмом.) Так как же быть: позаимствовать транспорт из гаража Службы безопасности или вызвать наемный? Однако можно быть совершенно уверенным: какое бы решение он ни принял, машину все равно сперва тщательно просканируют охранники Службы. А багаж он отправил в резиденцию прямо из космопорта.

День был пасмурный и хмурый, но без дождя. А он столько времени провел на борту весьма тесного (хоть и быстрого) прыжкового корабля. Майлз взял плащ и вышел на улицу. В конце концов, ему было приказано не передвигаться без телохранителя только по галактике.

От штаб-квартиры до особняка Форкосиганов не более четырех километров – оба здания расположены в Старом городе.

«Пройдусь-ка я до дома пешком».

Майлз подошел к резиденции Форкосиганов в сумерках и поздравил себя с хорошим результатом. Четыре километра за... Ну, может, это не лучший его результат, но по крайней мере он не задыхается и не ловит воздух ртом, как полгода назад.

Предпринятая экспромтом прогулка оказалась... просто прогулкой. На улицах в центре было полно машин. Люди спешили по делам, и почти никто не обращал внимания на невысокого мужчину в мундире. Ни тебе долгих взглядов, ни грубых жестов или комментариев, даже

ни единого знака, охраняющего от мутации. Может, отношение к нему изменилось потому, что он избавился от искривления позвоночника? Или это изменились сами барраярцы?

Когда-то здесь стояли три старинных особняка, занимавших целый квартал. Во времена регентства графа Форкосигана один из особняков из соображений безопасности приобрело правительство, и теперь там располагались какие-то мелкие конторы. Другой, самый ветхий, с прогнившими перекрытиями, просто-напросто снесли и на его месте разбили небольшой сквер. Лет сто – сто пятьдесят назад эти особняки, должно быть, величественно возвышались над проезжающими каретами и всадниками. А сейчас их затмевали современные башни, выстроенные на противоположной стороне улицы.

Особняк Форкосиганов стоял в центре, отделенный от улицы узеньким газоном и садом, который полукругом огибала дорожка. Сад окружала высокая каменная стена, украшенная острыми коваными пиками. Четыре этажа огромных серых каменных блоков, разбитых на правое и левое крыло, с небольшими пристройками, высились огромным архаичным массивом. Не хватает только решеток на окнах и рва. А заодно летучих мышей и воронов для декора. Привезенные некогда с Земли летучие мыши плохо прижились на Барраяре, поскольку земных видов насекомых здесь оказалось недостаточно, а местные создания, неправомерно называемые жуками, были, как правило, ядовитыми. Настоящей защитой особняка служил силовой щит, начинавшийся сразу за стеной. Он же исключал наличие летучих мышей. В бетонной караульной будке возле ворот обычно сидела охрана. В достославные времена Регентства здесь постоянно дежурили целых два взвода Службы безопасности, расставив посты не только возле особняка, но и на несколько кварталов вокруг, наблюдая за снующими туда-сюда правительственными шишками.

Теперь ворота охранял один-единственный молоденький капрал, который, слышав шаги Майлза, высунулся из дверей караулки, затем выскочил и, отсалютовав, вытянулся по стойке «смирно». Явно новенький – Майлз его прежде не видел.

– Добрый день, лейтенант Форкосиган, – бодро проговорил юноша. – Я ждал вас. Ваши вещи принесли два часа назад. Я все просканировал, так что чемодан можно вносить в дом.

– Благодарю, капрал. – Майлз с серьезной миной козырнул в ответ. – За последнее время здесь были какие-нибудь проблемы?

– В общем-то нет. С момента отбытия графа с графиней ничего особенного не происходило. Вот только один раз, ночью, когда бродячая кошка проскочила мимо сканеров и угодила в силовую ловушку. Вот уж никогда не думал, что кошка способна учинить такой переполох! Похоже, она решила, что ее сейчас прикончат и съедят.

Майлз заметил в дальнем углу караулки упаковку от сэндвича и мисочку с молоком. В дверном проеме второй крошечной комнаты мерцали видеомониторы охранной системы.

– Ну и... э-э... как? Я хотел спросить, убили ее?

– Нет, сэр. К счастью.

– Вот и хорошо. – Майлз забрал чемодан, неловко столкнувшись с капралом, который запоздало сообразил подать багаж. Из-под стула, стоящего возле миски с молоком, на Майлза смотрела пара затравленных желто-зеленых кошачьих глаз. Мундир юного капрала украшала весьма занимательная коллекция темных ворсинок, руки его были покрыты глубокими, уже начавшими подживать царапинами. Держать животных на посту – грубейшее нарушение устава. Но девять часов каждый Божий день сидеть в этом крошечном бункере! Сбеситься можно с тоски.

– Замки перенастроены под вашу ладонь, сэр, – торопливо сообщил охранник. – Я все проверил дважды. Могу я донести ваш чемодан? Вы знаете, сколько пробудете? И будет ли здесь... что-нибудь происходить?

– Пока не знаю. Как только прояснится, я вам сообщу.

Парнишке явно хотелось поговорить, но Майлз слишком устал. Позже. Он двинулся было к дому, но передумал.

– Как вы ее назвали?

– Сэр?

– Кошку.

На лице юноши мелькнул испуг. Видимо, припомнилась статья устава, касающаяся животных.

– Э-э-э... Царапка, сэр.

По крайней мере парень честен.

– Подходяще. Что ж, несите службу дальше, капрал. – Майлз отсалютовал на манер аналитиков Службы безопасности, то есть двумя пальцами обозначил что-то вроде взмаха в направлении левого виска. Аналитики Службы не больно-то почтительно относились к тем, чей КИ считали ниже своего, то есть практически ко всем остальным сотрудникам Имперской безопасности. Охранник благодарно ответил четким армейским салютом.

«Когда это Служба безопасности начала направлять к нам детей для охраны ворот?» Мрачные личности, охранявшие резиденцию при отце, прикончили бы несчастную кошку на месте. А ее бранные останки подвергли бы тщательному исследованию на предмет обнаружения шпионских устройств или бомбы. Пареньку, должно быть... М-да... как минимум двадцать один год, раз он служит в Безопасности и имеет чин капрала. Майлз вздрогнул от холода и поспешил к дому – от измороси, стремительно превращавшейся в проливной дождь.

Он прижал ладонь к сенсорному замку справа от двойных дверей. Створки грациозно распахнулись, пропуская его внутрь, и немедленно закрылись, едва он переступил порог. Весьма непривычно самому открывать дверь. Обычно возле дверей всегда стоял оруженосец в коричневой с серебром ливрее и открывал дверь. Когда это они успели здесь все автоматизировать?

Огромный холл с полом в черно-белую клетку казался холодным и мрачным в дождливых сумерках. Майлз чуть было не воскликнул «Свет!», чтобы включить освещение, но передумал и поставил чемодан на пол. Ни разу еще особняк Форкосиганов не был целиком и полностью в его распоряжении.

– «Когда-нибудь, сын, все это станет твоим», – прошептал он во тьму. Произнесенные шепотом слова эхом разнеслись по всему помещению. Майлз подавил невольную дрожь. Повернувшись направо, он начал медленный обход владений.

Мягкий ковер поглощал звук шагов. Оставшуюся мебель – похоже, родители увезли больше половины – закрывали белые покрывала. Майлз обошел весь первый этаж. Почему-то все казалось одновременно и больше и меньше, чем он помнил. Озадачивающий парадокс.

Он осмотрел гараж, расположенный в подвале восточного крыла. Его флайер аккуратно стоял в углу. Огромный роскошный, хоть и устаревшей модели, бронированный лимузин занимал другой угол. Лимузин напомнил Майлзу его боевую броню. «Пожалуй, не стоит ездить на машине или летать, пока не разберусь с этой чертовой болячкой в голове». Управляя флайером, он рискует погибнуть сам, если припадок застигнет его в небе, а на машине – угробить кого-нибудь на трассе. Прошлой зимой, до того, как Майлз убедил себя, что выздоравливает, он весьма наловчился якобы случайно присоединяться к кому-нибудь, если нужно было ехать.

Он спустился по черной лестнице на большую кухню. В детстве здесь всегда можно было стянуть что-нибудь вкусненькое, пообщаться. Здесь было полно интересных, вечно занятых людей: поваров, оруженосцев, слуг. А иногда можно было встретить даже одного проголодавшегося регента, забегавшего в поисках съестного. Теперь на кухне стояла кое-какая утварь, но ничего съестного ни на плитах, ни в отключенных от сети холодильниках не было.

Майлз подключил самый маленький холодильник. Если он задержится, придется закупить продукты. Или завести слугу. Одного слуги вполне хватит. И все же ему не хотелось

видеть здесь никого постороннего... Может, кто-то из прежней obsługi, выйдя на пенсию, живет поблизости и его удастся уговорить вернуться на несколько дней... Но, возможно, он сам пробудет дома недолго. Может, лучше купить готовую еду? Только не с военной кухни, премного благодарен. В винном погребе, покорно открывшемся при прикосновении форкосигановской длани, осталось весьма впечатляющее количество вина. Майлз извлек пару бутылок любимого красного, положенного сюда еще при деде.

Не побеспокоившись включить лифт, Майлз поднялся с чемоданом и бутылками по винтовой лестнице на третий этаж к себе в спальню. Окна выходили на внутренний садик. Он включил свет – в ночной тьме больше опасностей, чем в черной меланхолии. Комната ничуть не изменилась с тех пор, как он был здесь в последний раз... Когда? Неужели всего четыре месяца назад? Слишком чисто и опрятно. Здесь никто давно по-настоящему не жил. Ну, положим, прошлой зимой лорд Форкосиган пробыл тут довольно долго, но был несколько не в форме, чтобы устроить развал.

«Можно заказать что-нибудь поесть. И поделиться с охранником».

Но он не ощущал особого голода.

«Я могу делать все, что мне заблагорассудится. Абсолютно все».

Кроме одного. Того, чего он действительно хотел, – отбыть нынче же ночью на самом быстром прыжковом корабле к Эскобару или какой-нибудь другой планете со столь же развитой медициной. Он непроизвольно зарычал. И принялся распаковывать чемодан, аккуратно раскладывая все по местам. Сбросил сапоги, мундир повесил в шкаф, натянул на себя старенький удобный комбинезон.

Усевшись на кровать, налил себе вина во взятый в ванной стакан. Последнее время он избегал спиртного и вообще любых наркотиков. Впрочем, это, кажется, не играло особой роли в его редких и нерегулярных припадках. Он тихо просидит в резиденции Форкосиганов до самой встречи с Иллианом, и ежели с ним и случится припадок, этого по крайней мере никто не увидит.

«Выпью, а потом закажу еду».

А завтра он разработает новый план атаки на... на чертова саботажника, пробравшегося в его нейроны.

Вино, густое и терпкое, приятно согревало. Похоже, для отключки теперь требуется больше алкоголя, чем раньше. Ну, это не проблема. Понижение восприимчивости могло быть и побочным следствием криооживления, но Майлз мрачно подумал, что скорее всего он просто-напросто стареет. Заснул он только тогда, когда бутылка опустела на две трети.

К полудню следующего дня проблема пищи стала весьма актуальной: хоть Майлз и перехватил что-то на завтрак, отсутствие кофе и чая просто ввергало в отчаяние.

«Я – специально обученный сотрудник Службы безопасности. И могу решить эту проблему». Кто-то же делал закупки все эти годы... Нет, если припомнить, продукты на кухню доставлялись на грузовике. Оруженосцы всегда осматривали машину. Шеф-повар фактически выполнял обязанности каптенармуса, ведь он должен был накормить графа, графиню, пару дюжин слуг, двадцать оруженосцев, кучу их родственников и вечно голодных охранников, никогда не отказывавшихся перекусить. А еще – частые официальные приемы, обеды и ужины, где количество гостей измерялось сотнями.

Комм-пульт на кухне предоставил Майлзу необходимые сведения. У Форкосиганов имелся постоянный поставщик. В связи с отъездом родителей счет закрыли, но его можно открыть снова. Предлагаемый поставщиком ассортимент потрясал своей обширностью. Цены потрясали еще больше. Интересно, сколько марок платили за яйца?... О!.. Это ж цена за дюжину дюжин, а не за двенадцать штук. Майлз попытался представить себе, что станет делать со ста

сорока четырьмя яйцами. Да, такую бы возможность ему бы лет в тринадцать... Увы, некоторые возможности подворачиваются слишком поздно.

Он вернулся к комму. Ближайшее место, где можно приобрести еду, – небольшой магазинчик примерно в шести кварталах отсюда. Вот еще задачка: осмелится ли он сесть за руль?

«Иди пешком. А оттуда приедешь на наемной машине».

Магазинчик оказался забавной маленькой дырой в стене, но там можно было приобрести кофе, чай, молоко, яйца в разумных количествах, коробку каши мгновенного приготовления и целую кучу различных упаковок с надписью «готовое блюдо»! Майлз набрал по паре всех пяти видов. Повинуясь импульсу, заодно захватил штук шесть пакетиков дорогого кошачьего корма, такой пахучей штуки, которую почему-то обожают кошки. Итак... отдать корм охраннику? Или попытаться заманить Царапку к себе? После инцидента с силовой ловушкой киска вряд ли имеет привычку прогуливаться возле черного хода особняка Форкосиганов.

Майлз сгреб в охапку покупки и направился к кассе, где кассир со специфической улыбкой оглядела его с ног до головы. Он уже приготовился услышать какую-нибудь гнусенькую реплику, типа «А, мутант!». Следовало перед выходом надеть форму. Никто не осмелится оскорбить человека, у которого на воротнике Глаз Гора. Но женщина сказала всего-навсего:

– А, холостяк!

Майлз вернулся домой и приступил к позднему завтраку, потратив на него примерно час. До наступления темноты еще пять часов. А до сна – и того больше. На изучение всех имеющихся на Барраяре крионеврологических клиник и специалистов ушло совсем немного времени. Список был разделен по двум признакам: репутация и вероятность сохранения его визита в тайне от Имперской безопасности. Со вторым пунктом возникли сложности. Майлз хотел, чтобы в его голове копались только самые лучшие специалисты, но самых лучших чудовищно трудно убедить заняться лечением пациента и не вести при этом записей. Так что? Эскобар? Барраяр? Или подождать следующей галактической миссии, как можно дальше от штаб-квартиры?

Он бродил по дому, предаваясь воспоминаниям. Вот здесь была комната Элен. А вот эта крошечная комнатка принадлежала ее отцу, сержанту Ботари. А тут вот Айвен перевалился через ограждение и пролетел половину пролета, чуть не раскроив себе череп, что, впрочем, никак не отразилось на его умственных способностях. Даже возникла была надежда, что после падения он поумнеет...

Во время ужина Майлз решил соблюсти все семейные традиции. Надел мундир, снял покрывала с мебели в большом обеденном зале и поставил во главе многометрового стола хрустальный бокал для вина. Он даже собрался было достать тарелки, но сообразил, что, если съест все прямо из упаковки, избавится от необходимости мыть посуду. Включив легкую музыку, он приступил к ужину, на который потратил минут пять. Закончив трапезу, он снова аккуратно закрыл покрывалами полированный стол и изящные стулья.

«Будь здесь дендарийцы, я бы устроил настоящую вечеринку».

Элли Куин. Или Таура. Или Вербена Дюрона. Или даже Элен, Баз и все остальные. Бел Торн, которого ему по-прежнему не хватает. Все вместе. Кто-нибудь из них. Представив дендарийцев, занявших особняк Форкосиганов, Майлз испытал легкое головокружение. Вне всякого сомнения, они сумели бы оживить это место.

К вечеру он настолько дошел до ручки, что вызвал по комму кузена Айвена.

Айвен отозвался довольно быстро. Лейтенант лорд Айвен Форпатрил был одет в зеленый мундир, абсолютно идентичный мундиру Майлза, с той лишь разницей, что на воротнике напротив лейтенантских нашивок вместо Глаз Гора красовалась общевойсковая эмблема. По крайней мере хоть Айвен не меняется: по-прежнему днем сидит в генштабе, а ночами ведет беззаботную жизнь столичного офицера-фора.

При виде Майлза Айвен расплылся в счастливой улыбке.

– Братец! А я и не знал, что ты здесь.

– Я уже несколько дней, как приехал, – признался Майлз. – Занимался тем, что попробовал испытать на себе, что значит иметь особняк Форкосиганов в единоличном пользовании. Странное ощущение, должен заметить.

– Господи Боже мой, ты совсем один в этом мавзолее?

– Не считая охранника и кошки Царапки, но они живут сами по себе.

– Тебе, ожившему покойнику, это, по-моему, вполне подходит, – ухмыльнулся Айвен.

Майлз коснулся груди.

– Не очень. Никогда прежде не замечал, насколько сильно старые дома скрипят по ночам. Вторую половину дня я провел... – Он не мог сказать Айвену, что разрабатывал план тайного лечения, поэтому быстро перестроился, – копаясь в архивах. Меня всегда интересовало, сколько людей умерло в этом доме за многие века. Кроме деда, конечно. Оказалось – гораздо больше, чем я думал.

– Ага.

– Так что в городе? Можно рассчитывать на твое появление у меня, или как?

– Я весь день на службе... а вообще-то ничего интересного нет. День рождения императора уже отпраздновали, а Зимнепраздник еще не наступил.

– Как прошел нынешний День рождения? Меня не было. Я был в пути, летел три недели. И там никто даже не напился.

– Да, знаю. Ведь я вынужден был вручать мешочек с золотом от твоей провинции. Все прошло как обычно. Грегор ушел рано, и все тихо-мирно увяло еще до рассвета. – Айвен провел языком по губам, будто его осенила блестящая идея. Майлз насторожился.

– Вот что я тебе скажу. Через два дня Грегор устраивает официальный ужин. Там будут два или три новых галактических посла и пара консулов, вручивших верительные грамоты в прошлом месяце. Грегор решил принять их всех одновременно, чтобы разом покончить с этим делом. И, как обычно, роль хозяйки выполняет моя мать.

Леди Элис Форпатрил была всеми признанным социальным арбитром Форбарр-Султана и во многом была обязана этой репутации своим обязанностям во дворце, выступая в роли хозяйки на многочисленных официальных мероприятиях холостого, не имеющего ни матери, ни сестры императора Грегора.

– Потом будут танцы. Мать просила меня привести кого-нибудь из молодежи, чтобы заполнить бальный зал. Под молодежью, насколько я понимаю, она имела в виду людей моложе сорока. Естественно, подходящих по социальному статусу, как ты понимаешь. Если б я знал, что ты приехал, то связался бы с тобой.

– Она хочет, чтобы ты привел девушку, – пояснил Майлз. – Причем желательно невесту. Айвен ухмыльнулся:

– Ага, только по какой-то непонятной причине большинство моих знакомых не хотят давать займы своих.

– Мне тоже нужно привести партнершу для танцев? Сомневаюсь, чтобы у меня здесь остались знакомые женщины.

– Ну, так пригласи одну из дочерей Куделки. Я так и сделал. Конечно, это все равно что прийти с сестрой, но они чертовски хороши, особенно все вместе.

– Ты пригласил Делию? – задумчиво поинтересовался Майлз.

– Ага, но могу уступить ее тебе, если хочешь, и взять Марсию. Но если пойдешь с Делией, пообещай, что не заставишь ее надевать туфли на высоких каблуках. Она терпеть не может каблуки.

– Но на каблуках она... настолько впечатляюще выглядит.

– Она достаточно впечатляюще выглядит и так.

– Это точно. Ну... ладно, договорились. – Майлз на мгновение представил, что с ним приключился припадок посреди бального зала на глазах у доброй половины сливок форского общества столицы. Но какой у него выбор? Сидеть дома, как сыч, мечтая о бегстве на Эскобар, придумывая очередные девятнадцать бесполезных способов, как обыграть Службу безопасности на ее родном поле? Или разрабатывая блестящий план, как спереть у охранника кошку и поселить у себя? А Айвен вполне может решить проблему с транспортом.

– У меня нет машины, – сообщил Майлз.

– А что с твоим флайером?

– Он... в мастерской. На профилактике.

– Хочешь, чтобы я за тобой заехал?

Мозги Майлза работали на полных оборотах. Сие означает, что за рулем будет Айвен, к вящему ужасу всех пассажиров. Разве что Майлзу удастся уговорить Делию Куделку вести машину.

– А твоя мать действительно хочет, чтобы народу было побольше?

– Она так сказала.

– Здесь капитан Дув Галени. Я встретил его на днях в штаб-квартире Имперской безопасности. Сидит в аналитическом отделе и почему-то считает это великим благом.

– Ах да, я ведь знаю об этом! И сказал бы тебе, как только вспомнил. Несколько недель назад он появлялся в наших краях вместе с генералом Аллегре для консультации с руководством. Я собирался предпринять что-нибудь по случаю его приезда в Форбарр-Султан, но как-то пока с ним не встречался. Вы, ребята из Безопасности, стараетесь держаться сами по себе в вашей Центральной Психушке.

– Ладно, в любом случае он сейчас старается обаять какую-то комаррскую девицу. Точнее, не девицу, а женщину. Некую шишку в торговом представительстве. Как я понял, у нее больше ума, чем красоты, что, зная Галени, меня нисколько не удивляет. И у нее весьма значительные связи на Комарре. Как по-твоему, сколько очков он наберет, приведя ее на императорский официальный ужин?

– Чертову уйму, – решительно сказал Айвен, – особенно если учесть, что это один из приемов для избранных, организованный моей матерью.

– А мы с тобой оба перед ним в долгу.

– И крепко. К тому же, как я заметил, он утратил значительную долю сарказма. Может, смягчет, а? Конечно, пригласи его, – кивнул Айвен.

– Я сейчас с ним свяжусь, а потом сообщу тебе, идет?

Довольный результатом своего вдохновения, Майлз отключил комм.

Глава 5

Майлз вылез из машины капитана Галени, остановившейся у восточного входа Императорского дворца, и повернулся, чтобы помочь выйти из машины Делии Куделке, едва ли нуждавшейся в помощи. Она вытянула свои длинные стройные ноги и легко выскочила из автомобиля. Взметнувшийся подол голубого платья позволил разглядеть нарядные балльные туфельки соответствующего оттенка, удобные и на низеньком каблучке. Делия была самой высокой из четырех дочерей коммодора Куделки. Макушка Майлза находилась на добрых десять сантиметров ниже ее плеча. Он ухмыльнулся. Делия ответила несколько кривоватой, чисто дружеской улыбкой.

– Не понимаю, почему я позволила вам с Айвеном втянуть меня в это, – вздохнула она у него над ухом.

– Потому что любишь танцевать, – уверенно заявил Майлз. – Подари мне первые два танца, и я обещаю, что найду тебе симпатичного высокого галактического дипломата на весь оставшийся вечер.

– Да не в том дело, – хмыкнула девушка, окинув взором его невысокую фигуру.

– Недостаток роста я компенсирую скоростью.

– Вот в этом-то как раз и проблема, – кивнула она.

Галени передал свой скромный автомобиль поджидавшему слуге, который отогнал машину в сторону, и взял под руку свою даму. Нужно было знать капитана, чтобы суметь понять выражение его лица. Майлз пришел к выводу, что оно немного гордое, немного самодовольное и чуть смущенное, как у человека, пришедшего на вечеринку в чересчур парадной одежде. Поскольку Галени, хоть и чуть тщательнее, чем обычно, выбритый, выглаженный и начищенный, был в таком же зеленом мундире, как и Майлз, оставалось предположить, что его скованность вызвана дамой, которую он сопровождал.

«И у него есть повод для самодовольства, – подумал Майлз. – А что будет, когда ее увидит Айвен!»

Если у Лаисы Тоскане ума больше, чем красоты, значит, она просто гений. Хотя истинная причина столь сильного воздействия ее на окружающих трудноуловима. Милое славное личико и близко не похожее на скульптурную красоту Элли Куин. Глаза необычного яркого сине-зеленого цвета – интересно, от природы или от умелого пользования косметикой. Она оказалась невысокой даже для комаррской женщины, на две ладони ниже Галени, который был почти одного роста с Делией. Но самое потрясающее в ней – кожа. Молочно-белая, как бы светящаяся. Сказать совершенная, значит не сказать ничего, этим словом нельзя передать ее облик. Таковую потрясающую женственность он видел только у цетагандийских аут-леди.

Богатство не всегда означает наличие вкуса, но, когда богатство и вкус идут рука об руку, результат получается сногсшибательный. На Лаисе были темно-красные брюки свободного покроя в комаррском стиле, соответствующего оттенка топ с низким вырезом, поверх которого она надела открытый жакет цвета морской волны с бежевым. Умеренное количество драгоценностей. Волосы, коротко стриженные в соответствии с комаррской модой, слишком темные, чтобы можно было назвать ее блондинкой, и слишком серебристые для русских. Улыбка, с которой она смотрела на своего кавалера, была довольной и радостной, но ни в коем случае не благоговейной. Если она пройдет отбор у тети Элис, решил Майлз, то с ней все будет в порядке. Он ускорил шаг, чтобы не отстать от Делии, и повел свою маленькую группу внутрь, как будто официальный ужин у императора Грегора – его личный подарок.

Они миновали императорских охранников и мажордома, убедившегося, что у них нет с собой никаких вещей, которые нужно принять, и что, имея в своих рядах Майлза, они не нуждаются в эскорте. Следующим встречающим оказалась леди Элис Форпатрил собственной пер-

соной, стоявшая у подножия лестницы. Для этого приема она выбрала отделанное золотом платье темно-синего бархата – возможно, в честь родовых цветов своего давно погибшего мужа. Насколько Майлз помнил, все его детство она носила вдовьи наряды светло-серых тонов, но в конце концов постепенно вернулась к другим цветам. Возможно, тогда, когда окончательно простила лорду Падме Форпатрилу, что он позволил убить себя столь мерзким образом во время дворцового переворота Фордариана.

– Здравствуйте, Майлз, дорогой, Делия!

Майлз почтительно склонился к ее руке и официально представил капитана Галени и доктора Тоскане. Леди Элис благосклонно кивнула. Майлз вздохнул с облегчением – значит, Айвен, как и обещал, попросил мать внести их в список гостей.

– Грегор, как всегда, принимает гостей в Зеркальном зале, – сообщила леди Элис. – За ужином вы будете сидеть за его столом, ниже посла Эскобара с супругом. Я подумала, что было бы неплохо посадить гостей попеременно с местными жителями.

– Спасибо, тетя Элис.

Майлз глянул через плечо леди Форпатрил на знакомую худощавую фигуру в зеленом мундире, стоявшую в тени слева от двери и тихо о чем-то беседовавшую с охранником Службы безопасности.

– Э-э... Делия, не проводишь ли Дува с Лаисой в Зеркальный зал? Я вас сейчас догоню.

– Конечно, Майлз.

Улыбнувшись Лаисе, Делия грациозно подобрала подол длинного бального платья и повела обоих комаррцев вверх по лестнице.

– Какая милая молодая женщина, – изрекла леди Элис, глядя им вслед.

– Вы это о докторе Тоскане? – рискнул уточнить Майлз. – Я подумал, что ее вполне можно привести.

– О да, безусловно. Она ведь главная наследница тех самых Тоскане, знаешь ли. Весьма подходящая гостья. – И тут же все испортила, добавив: – Для комаррианки.

У всех свои недостатки. Император прибегал к услугам леди Элис именно для того, чтобы допускались только Подходящие люди. Но Майлз углядел второго члена команды, человека, к услугам которого Грегор прибегал, чтобы допускались только Безопасные люди. Глава Имперской службы безопасности Саймон Иллиан наконец оторвался от беседы со своим подчиненным, который, откозыряв, исчез в дверях. Иллиан не улыбнулся и не поприветствовал Майлза, но Майлз скользнул мимо леди Элис и все равно направился к нему, поймав прежде, чем тот успел уйти вслед за охранником.

– Сэр! – на манер аналитиков отсалютовал Майлз. Иллиан ответил еще более небрежно – скорее отмахнулся, чем поприветствовал. Шеф Имперской безопасности – сидящий мужчина лет шестидесяти с удручающе неприметной физиономией – имел постоянную привычку смотреть в пол. Сегодня вечером Иллиан, судя по вставленному в ухо микрофону комм-связи и заряженному оружию в обеих кобурах, решил лично заняться обеспечением безопасности Грегора. Сие могло означать, либо что нынче ночью здесь происходит что-то более важное, чем было сказано Майлзу, либо что больше нигде не происходит ничего такого, что могло бы вынудить Иллиана сидеть в штаб-квартире, и он оставил рутинную работу своему исполнителю и надежному заместителю Гарошу. – Секретарь передал вам мое послание, сэр?

– Да, лейтенант.

– Он сказал, что вас не было в городе.

– Так и было. А теперь вернулся.

– А вы видели... мой последний доклад?

– Да.

«Черт!» Слова «есть кое-что важное, что не вошло в доклад» застряли у Майлза в горле.

– Мне необходимо с вами поговорить.

Иллиан, и так обычно невозмутимый, казался еще более непроницаемым, чем обычно.

– Сейчас не время и не место.

– Совершенно верно, сэр. Когда?

– Я жду дополнительной информации.

Все верно. Если не беги и жди, то жди и беги. Но что-то скоро должно произойти. Иначе Иллиан не заставил бы Майлза сидеть в Форбарт-Султане в режиме часовой готовности. «Если речь идет о новом задании, то пусть, черт побери, дает мне его побыстрее. Тогда я по крайней мере смогу заняться разработкой долгосрочного плана».

– Отлично, сэр. Я буду наготове.

Иллиан кивком отпустил его, но, едва Майлз направился прочь, окликнул:

– Лейтенант!

Майлз обернулся.

– Вы сюда приехали на машине?

– Да. Меня привез капитан Галени.

– А! – Иллиан, казалось, нашел что-то чрезвычайно интересное за спиной у Майлза. – Проницательный человек Галени.

– Я тоже так думаю.

Расставшись с идеей выудить сегодня из Иллиана еще что-нибудь, Майлз поспешил за друзьями.

Он ждали его в широкой галерее у входа в Зеркальный зал. Галени вежливо болтал с Делией, которая явно не спешила встретиться с находящимися в зале Айвеном и сестрицами. Лаиса с восхищением разглядывала антиквариат и разостланные на полу ковры спокойных тонов. Майлз подошел к ней и стал рассматривать инкрустацию на крышке деревянного стола. На ней из разных пород дерева были изображены скачущие кони.

– Здесь все такое барраярское, – призналась она Майлзу.

– Вы так себе все и представляли?

– Да, конечно. Как вы думаете, сколько лет этому столу? И о чем думал мастер, когда его делал? Может быть, он представлял себе нас, думающих о нем? – Пальцы Лаисы пробежали по полированной поверхности, пахнувшей ароматным воском. Она улыбнулась.

– Около двухсот лет, я полагаю, – ответил Майлз.

– Хм-м. – Ее улыбка стала задумчивой. – Некоторым из наших куполов более четырехсот лет. И все же Барраяр кажется старше, даже если это и не соответствует истине. Есть в вас что-то внутренне архаичное, я бы сказала.

Майлз на мгновение задумался о ее родном мире. Еще лет четыреста терраформирования, и на Комарре люди смогут жить за пределами куполов без дыхательных аппаратов. В настоящее время комаррцы живут внутри куполов и так же зависят от своей технологии, чтобы выжить в жутком холоде, как и бетанцы на своей жаркой покрытой песками планете. Комарра не знала Периода Изоляции, никогда не прерывала связи с остальными мирами. Более того, она жила в основном за счет этих миров, поскольку единственным источником существования для этой планеты являлись шесть важнейших п-в-туннелей. Такое расположение превращало Комарру в важный коммуникационный узел и – к несчастью – в важный стратегический объект. У Барраяра имелся один-единственный выход к другим мирам, и проходил он через Комарру. Если вы не охраняете свои ворота, то те, кто ими завладеет, завладеет и вами.

Майлз направил свои мысли в более личностное русло. Совершенно очевидно, что Галени просто необходимо вывезти свою даму на свежий барраярский воздух. Ей, безусловно, понравятся не свойственные Комарре дикие просторы. Путешествие на перекладных, или, раз уж ей так нравится старина...

– Вам следовало бы попросить Дува пригласить вас на прогулку верхом, – предложил Майлз.

– Господи, неужели он еще и верхом умеет ездить? – Ее поразительные бирюзовые глаза округлились.

– Э-э-э... – Хороший вопрос. Ну, если и не умеет, то Майлз может преподать ему интенсивный курс. – Конечно.

– Настоящая старина кажется такой... – ее голос упал до таинственного шепота, – подлинно романтической. Только не говорите Дуву, что я так сказала. Он просто помешан на исторической точности. Первое, что он делает, это сдувает всю волшебную пыльцу.

Майлз ухмыльнулся:

– Нисколько не удивляюсь. Но я думал, что вы тоже практичная деловая женщина.

Улыбка Лаисы стала серьезной.

– Я комаррианка. И должна быть деловой. Без прибыли от торговли, транспорта, банков и переработки Комарра вновь опустится до полунищего – даже более, чем полунищего – уровня, с которого начинала. И семьдесят процентов населения погибнут так или иначе.

Майлз заинтересованно выгнул бровь. Приведенные ею цифры, конечно, завышены, но она явно искренне так считает.

– Ну, пожалуй, нам не стоит больше задерживаться. Не пройти ли нам в зал?

Они с Галени поменялись местами, и Майлз повел всех к ближайшей двери. Зеркальный зал представлял собой длинное помещение с рядом высоких окон по одной стене и старинными зеркалами по другой, чему, собственно, и был обязан своим названием, поскольку зеркала эти были приобретены в те времена, когда еще были редкостью.

Грегор, изображавший нынче вечером скорее радушного хозяина, чем владыку, стоял возле двери с несколькими министрами, вызванными сюда ради такого случая, и приветствовал гостей. Худощавый, если не тощий, темноволосый и темноглазый, сегодня он предпочел надеть гражданский костюм, выдержанный в самом официально-консервативном барраярском стиле, с родовыми цветами Форбарра на обшлагах рукавов и кантах брюк. Грегор вообще был равнодушен к одежде. Но не сегодня – когда он исполнял свои светские обязанности, которых терпеть не мог, но которые, как и все прочие свои многочисленные обязанности, выполнял блестяще.

– Это он? – шепнула Лаиса, пока они ждали своей очереди. – А я думала, он будет в том потрясающем мундире, что на видео.

– А, парадный красно-синий мундир? Его он надевает только на Летний парад, по случаю своего дня рождения и на Зимнепраздник. Его дед, император Эзар, действительно был генералом еще до того, как стал императором, и мундир на нем сидел, как вторая кожа, но Грегор в мундире чувствует себя не в своей тарелке, хоть формально он и является верховным главнокомандующим барраярской армии. Поэтому, когда позволяет этикет, он предпочитает что-либо другое. И мы все чрезвычайно этому рады – ведь тем самым он позволяет и нам не носить эту чертову форму. Воротник душит, шпага путается в ногах, а шпоры цепляются за все на свете. – Не то чтобы воротник зеленого мундира был ниже парадного, а высокие сапоги отличались от парадных лишь отсутствием шпор, но Майлз при своем росте больше всего терпеть не мог шпагу.

– Понятно, – прошептала Лаиса, весело прищурившись.

– Ага, вот и наш черед.

Майлз подтолкнул своих друзей.

Делия знала Грегора с детства, поэтому, с улыбкой поприветствовав его, быстро отступила в сторону, давая дорогу новичкам.

– Да, капитан Галени, я о вас слышал, – серьезно произнес Грегор, когда Майлз представил ему офицера, уроженца Комарры. В глазах Галени мелькнул мгновенный испуг, Грегор поспешил добавить: – Много хорошего.

Император повернулся к Лаисе, и его взгляд остановился как бы в изумлении. Быстро овладев собой, Грегор склонился к ее руке, пробормотав что-то о важности Комарры для будущего Империи.

Покончив с формальностями, Делия отправилась на поиски Айвена и сестер, затерявшихся где-то в толпе разодетых гостей. Лаиса через плечо оглянулась на Грегора.

– Господи. Мне показалось, что он чуть ли не извиняется за то, что вы нас завоевали.

– Ну, это вряд ли, – хмыкнул Майлз. – У нас не было выбора после того, как Цетаганда попыталась завоевать нас с вашей помощью. Он всего лишь выразил сожаление по поводу возникших после завоевания трудностей. Впрочем, сейчас, через тридцать пять лет, об этом не стоит и говорить. Управлять многопланетной Империей далеко не просто. Хотя цетагандийцы и справляются со своей уже несколько веков, я бы не стал брать на вооружение их модель политического управления.

– Он не очень похож на того сурового человека, каким кажется на ваших официальных видео, верно?

– На самом деле он скорее угрюм, чем суров, – именно так он и выглядит на видео. И к счастью, возможно.

Тут им перегородил путь тощий старик с палочкой. Абсолютно официальный, хоть и несколько поблекший, парадный красно-белый мундир висел на нем, как на вешалке. Майлз схватил своих гостей за руки и торопливо отвел чуть назад, давая старцу пройти.

Лаиса с любопытством смотрела на старика.

– А кто этот старый генерал?

– Один из самых знаменитых реликтов Форбарр-Султана, – ответил Майлз. – Генерал Форпарадис – последний живой Имперский Аудитор, из тех, кто был лично назначен императором Эзаром.

– Он больше похож на военного, чем на аудитора, – с сомнением заметила Лаиса.

– Это Имперский Аудитор, все с большой буквы, – пояснил Майлз. – Э-э-э... В каждом обществе возникает вопрос, кто бдит за бдящим. И Имперский Аудитор – барраярский ответ на этот вопрос. Аудитор это нечто среднее между, скажем, бетанским прокурором по особым поручениям, генеральным инспектором и небольшим божеством. И не имеет ничего общего с финансами, хотя в основе титула лежит именно это. Ведь первые графы были именно сборщиками налогов на Тау Форадар. Поскольку мои неграмотные предки ворочали довольно крупными суммами, то ручки у них были заgreбушие. Аудиторы следили за графами по поручению императора. Неожиданное прибытие Имперского Аудитора, как правило в сопровождении значительных кавалерийских сил, частенько влекло за собой странные и многочисленные самоубийства. Впрочем, самих аудиторов в те времена тоже поубивали немало, но тогдашние императоры после каждого такого убийства весьма настойчиво прибегали к массовым казням, поэтому аудиторы стали в конечном счете неприкасаемыми. Говорят, они скакали по всей планете с набитыми золотом седельными сумками практически без охраны, и бандиты скакали впереди, расчищая им путь, чтобы аудиторы поскорее убрались с их территории без всяких непредвиденных задержек. Лично я считаю, что это лишь легенда.

– Все равно звучит здорово! – рассмеялась Лаиса.

– Их должно быть девять, – вступил в разговор Галени. – Традиционное число, возможно, имеющее несколько вариантов происхождения еще со Старой Земли. Любимая тема рассуждений для низкопробных исторических исследований. Хотя, по-моему, сейчас их всего семь.

– Их назначают пожизненно? – спросила Лаиса.

– Иногда, – ответил Майлз. – А иногда на короткий срок, по каждому отдельному случаю. Когда мой отец был регентом, он назначал только временных аудиторов, хотя Грегор и утвердил кое-кого из них пожизненно, когда достиг совершеннолетия. Проводя свои расследования, они являются Голосом самого императора. Еще одна чисто барраярская традиция. Однажды

я был Голосом графа, моего отца, когда расследовал дело об убийстве в нашей провинции. Весьма необычный опыт.

– Звучит интересно с социологической точки зрения, – заметила Лаиса. – Как вы думаете, а не могли бы мы зажать где-нибудь в углу генерала Форпарадуса и попросить его рассказать о старых добрых временах?

– О, нет! – в ужасе возопил Майлз. – Интересен сам институт. А Форпарадис – самый занудный старый фор-маразматик во всем Форбарр-Султане! Единственное, о чем он может непрерывно говорить, это насколько все изменилось к худшему со времен Эзара. – «И как правило, при этом многозначительно поглядывает на меня». – И все это вперемешку с подробнейшими рассказами о том, как плохо стал у него работать кишечник.

– Да, – кивнула Делия Куделка. – И постоянно вас перебивает, чтобы сообщить, насколько плохо воспитана нынешняя молодежь. А молодежь – это все, кому меньше шестидесяти.

– Семидесяти, – поправил ее Майлз. – Он по-прежнему называет моего отца «младший мальчик Петера».

– И все аудиторы такие старые?

– Ну, не настолько. Впрочем, как правило, в тех случаях, когда дело касается действующих генералов и адмиралов, аудиторами назначают отставных.

Благополучно избежав старого зануды, они встретились с Айвеном и Марсией Куделкой, с которыми их тут же разъединил мажордом, принявшийся рассаживать всех за стол в украшенном орнаментами Малом Обеденном зале. Еда пользуется успехом, отметил про себя Майлз. Сам он занимал беседой госпожу посла Эскобара и терпеливо выносил обычный поток вопросов о своем знаменитом отце. Сидящая напротив него Лаиса о чем-то разговаривала с пожилым сотрудником эскобарского посольства. Грегор с капитаном Галени исхитрились обменяться чрезвычайно вежливыми репликами о барраро-комаррских отношениях, достойными нежного слуха высоких галактических гостей. Похоже, их посадили за стол Грегора не только ради него самого, подумал Майлз.

Галени что-то спросил у Лаисы по поводу комаррского фрахта. Сверкнув глазами, она ответила Грегору напрямую через головы сидящих эскобарцев:

– Да, сир. По правде говоря, Синдикат Фрахтовщиков Комарры, на который я работаю, очень озабочен результатами доклада Совету Министров. Мы просили о снижении налогов на реинвестируемую прибыль.

Майлз мысленно заплотировал ее нахальству. Обращать самого императора на глазах изумленной публики. Да, на такое не всякий способен. «Давай, дерзай! Почему бы и нет, в конце концов?»

– Да, министр Ракоши говорил мне об этом, – едва заметно улыбнулся Грегор. – Однако, боюсь, это встретит сильное сопротивление в Совете графов, наиболее консервативные члены которого полагают, что наши весьма ощутимые военные затраты по защите п-в-туннелей должны быть... гм... пропорционально поделены с теми, кто находится на передовых позициях.

– Но рост капитала позволяет получить больше налогов в следующем круге. Взимать их слишком рано – это все равно что... съесть зерна, отложенные для посева.

Брови Грегора поползли вверх.

– Весьма интересная метафора, доктор Тоскане. Я передам ее министру Ракоши. Возможно, это произведет большее впечатление на некоторых графов из глубинки, чем сложные рассуждения о прыжковых технологиях, которыми он их потчует.

Лаиса улыбнулась. И Грегор улыбнулся. А Галени помрачнел. Лаиса перевела беседу в более легкое русло, то есть на эскобарскую политику по развитию прыжковых технологий – тему гораздо менее опасную, чем барраро-комаррские проблемы налогообложения.

В бальном зале, куда после ужина перешли гости, играл, как всегда, Императорский оркестр – безусловно, наименее воинственный, хоть и самый талантливый из всех военных оркестров Барраяра. Пожилой полковник-дирижер был вот уже много лет бессменной принадлежностью Императорского дворца. Грегор открыл бал, проведя по кругу леди Форпатрил, затем, в полном соответствии с этикетом, протанцевал с каждой дамой в порядке значимости, начав с посла Эскобара. Майлз затребовал обещанные два танца от высокой светловолосой и прекрасной Делии Куделки. Покончив с этим, он занял излюбленную позицию капитана Иллиана, то есть подпер стену и принялся наблюдать за остальными. Капитан Галени танцевал если и не легко, то старательно. Поскольку по окончании двадцатилетнего срока службы он намеревался заняться политикой, то со свойственной ему методичностью овладевал всеми необходимыми для этого навыками.

К Лаисе подошел один из оруженосцев Грегора, и когда Майлз через некоторое время поискал ее глазами, он обнаружил ее возле императора. Интересно, станет ли она еще лить воду на мельницу барраяро-комаррских торговых отношений? Такая замечательная возможность редко подворачивается, и вряд ли Лаиса ее упустит. Синдикату Фрахтовщиков Комарры следует вознаградить ее за сегодняшнюю ночную работу. В этот момент Грегор Угрюмый рассмеялся над чем-то, сказанным Лаисой.

Вскоре она вернулась к Галени, на минутку остановившись возле Майлза.

– Он гораздо умнее, чем я думала, – восторженно выдохнула она. – Он слушает... очень внимательно. Такое чувство, что он внемлет всему, что говоришь. Это действительно так или всего лишь игра?

– Не игра, – ответил Майлз. – Он усваивает все, что узнает. Но Грегору приходится очень тщательно следить за своими словами, учитывая, что любое сказанное им слово может стать законом. Он был бы застенчивым, если бы мог, но ему это не позволено.

– Не позволено? – изогнула бровь Лаиса. – Как это странно звучит...

Еще трижды за вечер ей представилась возможность проверить интеллектуальные возможности Грегора во время танца. Похоже, Грегор опроверг утверждение Майлза по поводу своей застенчивости: императору дважды удалось рассмешить Лаису.

Вечер уже практически закончился, когда Майлзу наконец удалось перекинуться с Грегором парой слов наедине. Но, к сожалению, первое, что сказал Грегор, было:

– Я слышал, тебе удалось доставить Нам Нашего курьера почти что в целости. Несколько хуже твоих обычных результатов, не так ли?

– А, значит, Форберг уже дома.

– Так мне сообщили. Что там в точности произошло?

– Э-э-э... очень неприятный инцидент с автоматическим плазмотроном. Я расскажу тебе об этом, но... не здесь.

– Жду с нетерпением.

Что автоматически помещает Грегора в список тех, кого следует избегать. Дьявольщина.

– Где ты отыскал эту удивительную комаррианку? – как бы вскользь бросил Грегор, глядя куда-то в пространство.

– Доктора Тоскане? Впечатляет, верно? Мне понравилась ее смелость, как и ее ум. О чем это вы с ней тут толковали?

– О Комарре главным образом... Нет ли у тебя ее... хм... адреса Синдиката Фрахтовщиков? Впрочем, не важно, Саймон мне его предоставит. И безусловно, вместе с полным докладом СБ, хочу я того или нет.

– Имперская безопасность существует для того, чтобы служить Вам, сир, – поклонился Майлз.

– Не забывайся, – буркнул Грегор.

Майлз ухмыльнулся.

Вернувшись в особняк Форкосиганов, Майлз пригласил комаррцев выпить по рюмочке, не подумав о возможных проблемах с приемом гостей. Галени начал было вежливо отнекиваться, бормоча что-то о завтрашней работе, но Лаиса тут же воскликнула:

– О да, спасибо, с удовольствием! Мне очень хочется посмотреть ваш дом, лорд Форкосиган. С ним связано так много исторических событий!

Галени немедленно проглотил все свои возражения и, чуть улыбаясь, последовал за ней.

Все помещения на первом этаже казались слишком темными, огромными и неудобными для троих человек, поэтому Майлз повел гостей наверх, в более уютную гостиную, где быстро пробежался по комнате, сдергивая покрывала с мебели. Несколько приглушив свет, он помчался вниз в поисках трех бокалов и более или менее приемлемой бутылки вина.

Вернувшись в гостиную, он обнаружил, что Галени не поспешил воспользоваться ситуацией. Следовало бы снять покрывало лишь с маленькой софы, вынудив парочку сесть рядом, а не в разных углах комнаты. Старомодный Галени вроде бы не понимал, что его дама отнюдь не возражает против какой-нибудь романтической глупости. Майлз почему-то вдруг вспомнил Тауру, которая благодаря своему росту, роду деятельности и званию была слишком заметной личностью, чтобы стать объектом насмешек. Лаиса, конечно, не была такой уж высокой, но слишком уж она яркая, слишком заиклившаяся на своих общественных и светских обязанностях. Она никогда не попросит прямо. Галени заставляет ее улыбаться, но Майлз ни разу не видел, чтобы ему удалось вызвать у нее смех. Его обеспокоило полное отсутствие даже намека на флирт между этими двумя. Нужно обладать изрядным чувством юмора, чтобы заниматься любовью и сохранять при этом рассудок.

Но в данный момент Майлз не чувствовал себя в форме, чтобы давать Галени советы, как крутить роман. Он снова вспомнил слова Тауры: «Ты пытаешься дать другим то, что хочешь для себя». Черт! Галени – взрослый, пусть набивает себе шишки сам.

Втянуть Лаису в разговор о ее работе оказалось делом несложным, хотя беседа и получилась несколько односторонней, поскольку ни Майлз, ни Галени не могли, естественно, ничего рассказывать о своих сверхсекретных делах. Разговор превратился в этакий небольшой экскурс в историю барраяро-комаррских отношений. Тоскане после завоевания были весьма крупными торговцами, хоть и не самыми крупными, как сегодня.

– Но их нельзя назвать коллаборационистами, – заметил Майлз, когда дошло до этой темы. – Полагаю, что скорее этот термин применим к тем, кто сотрудничал с Барраяром до завоевания. И уж конечно, нельзя обвинить Тоскане в отсутствии патриотизма за то, что они отказались поддержать тактику выжженной земли, я имею в виду позицию комаррского подполья. Барраярское завоевание не было таким уж выгодным для Комарры, но по крайней мере комаррские торговцы сумели справиться с потерями. Теперь, поколение спустя, успехи возрожденной олигархии во главе с Тоскане доказали правильность занятой ими когда-то позиции.

В отличие от Галени, отец которого, Сер Гален, потратил всю жизнь на бесполезное мщенье, позиция, занятая тогда семьей Тоскане, позволила Лаисе жить спокойно. Сер Гален был темой, которой Майлз с Галени старательно избегали. Интересно, что рассказал Лаисе Галени о своем покойном сумасшедшем отце?

Уже ближе к рассвету, когда они раздавили еще бутылку лучшего вина, Майлз собрался с духом и отпустил своих зевающих гостей по домам. Стоя у дверей, он проводил взглядом машину капитана, свернувшую по дороге к воротам, миновавшую одинокого охранника и исчезнувшую во тьме. Галени, как и Майлз, последние десять лет занимался исключительно своей карьерой, и накладываемые ею ограничения, возможно, убили в нем остатки романтики. Оставалось лишь надеяться, что, когда придет время, Дув не превратит предложение руки и сердца в нечто вроде делового соглашения. Правда, Майлз сильно опасался, что только так

капитан и умеет. Дуву не хватает порывистости. Вот почему ему так подходит канцелярская работа.

«Эта долго возле тебя не задержится, Галени. Кто-нибудь более нахальный уведет ее у тебя и больше не отдаст никому».

Как потенциальная сваха Майлз не думал, что сегодняшний вечер сильно увеличил шансы Галени. Расстроенный, Майлз вошел в дом. Дверь закрылась за ним сама.

* * *

Медленно раздевшись, он сел на кровать и устался на комм-пульт таким же злым настойчивым взглядом, каким Царапка глядела на людей, несших еду. Комм молчал. «Да засветись ты, черт бы тебя побрал!» При нормальном ходе событий Иллиан должен его вызвать именно сейчас, когда он устал, слегка пьян и совершенно не готов к докладу. «Ну же, Иллиан! Я хочу получить свое задание!» Казалось, что с каждым часом напряжение все растет. С каждым часом терялся час. Если до вызова Иллиана пройдет столько времени, сколько требуется, чтобы слетать на Эскобар и обратно, то он начнет грызть ковер и без всякого припадка.

Майлз поразмышлял, не выпить ли ему еще бутылку, чтобы путем опосредованной магии заставить Иллиана вызвать его. Но тошнота и рвота, как правило, замедляют течение времени, а не ускоряют. Мало привлекательная перспектива. «Может, Иллиан забыл обо мне?»

Жалкая шутка. Иллиан никогда ничего не забывает. Не может. Когда-то давно, когда он еще был лейтенантом СБ, тогдашний император Эзар отправил его на далекую Иллирику, чтобы ему в мозг вживили экспериментальный чип эйдетической памяти. Старому Эзару до смерти хотелось иметь ходячий записывающий аппарат, отвечающий только ему одному. Технология не нашла широкого применения по той простой причине, что в девяноста случаях из ста приводила носителей чипа к шизофрении. Безжалостный Эзар был готов рискнуть на 90 процентов ради возможных 10 процентов удачи. Точнее, желал получить молодого офицера, готового рискнуть для него. За свою долгую жизнь Эзар, добиваясь политических целей, пожертвовал тысячами офицеров, подобных Иллиану.

Но вскоре после операции Эзар умер, оставив Иллиана кружиться, как бродячий астероид, на орбите вокруг адмирала Эйрела Форкосигана, который стал одной из самых ярких звезд на политическом небосклоне столетия. Так или иначе, Иллиан целых тридцать лет обеспечивал работу СБ для отца Майлза.

Интересно, на что это похоже – помнить все события за последние тридцать пять лет, причем так ярко и подробно, будто все произошло буквально только что? Когда прошлое не покрывается смягчающей дымкой прошедших лет? Помнить каждую свою ошибку, в цвете и звуке – это похоже на вечное проклятие. Неудивительно, что носители чипа сходили с ума. Хотя, возможно, помнить об ошибках других не так болезненно. Рядом с Иллианом быстро обучаешься держать язык за зубами. Он может напомнить тебе о каждой идиотской, глупой и непродуманной вещи, которую ты либо произнес, либо совершил.

В общем, Майлз полагал, что сам он ни за что не захотел бы иметь такую штукину в голове, даже если бы медицина позволяла. И так уже близок к шизофрении безо всяких технологических штучек, благодарю покорно.

А вот Галени, кажется, как раз тот лишенный воображения тип, который вполне сгодится для такого рода имплантации. Но Майлз имел все основания подозревать, что в Галени скрываются глубинные течения, так же надежно скрытые от глаз, как террористическое прошлое его отца, Сера Галена. Нет. Галени тоже не самая подходящая кандидатура. Дув сойдет с ума настолько тихо и незаметно, что успеет натворить кучу неприятностей, прежде чем кто-нибудь сообразит, в чем дело.

Майлз посмотрел на комм-пульт, страстно желая, чтобы он засветился. «Вызови. Вызови. Вызови. Дай мне это чертово задание. Вытащи меня отсюда». Комм издевательски молчал. Наконец Майлз, сдавшись, встал и поплелся за следующей бутылкой.

Глава 6

И только вечером, ровно через двое суток, персональный комм в спальне Майлза вновь подал признаки жизни. Майлз, просидевший напротив него весь день напролет, чуть не свалился со стула. Она дал комму немного поморгать, пытаясь справиться с дыханием и унять сердцебиение. «Правильно. Так и должно быть. Спокойно, собранно и хладнокровно, парень. Не позволяй секретарю Иллиана увидеть твоё волнение».

Но к его разочарованию, физиономия, появившаяся на экране, принадлежала кузену Айвену. Айвен явно только что вернулся домой со службы из Генштаба и еще не снял зеленой формы... с синими, а не красными треугольниками в петлицах. «Капитанские знаки различия? Айвен – капитан?»

– Здорово, братец! – жизнерадостно поприветствовал его Айвен. – Как прошел день?

– Медленно, – умудрился изобразить улыбку Майлз, стараясь проглотить появившуюся во рту горечь.

Улыбка Айвена стала еще шире. Он провел ладонью по волосам, красуясь.

– Ничего не замечаешь?

«Ты отлично знаешь, что я сразу заметил».

– У тебя новый парикмахер? – прикинулся простачком Майлз.

– Ха! – Айвен многозначительно постучал ногтем по нашивке.

– Знаешь, Айвен, незаконное ношение знаков различия является преступлением. Конечно, тебя еще не застукали... – «Айвен получил капитана раньше меня?!»

– Ха! – несколько менее радостно повторил Айвен. – Все совершенно официально, начиная с сегодняшнего дня. Новый оклад мне положен с утренней зори. Я знал, что звание на подходе, но не торопился об этом трезвонить. Подумал, пусть будет для тебя сюрприз.

– Как получилось, что они повысили тебя раньше меня? С кем ты, черт бы тебя побрал, умудрился переспать? – невольно сорвалось у Майлза. Он вовсе не хотел, чтобы в его тоне звучало столько желчи.

Айвен, хмыкнув, пожал плечами.

– Я справляюсь со своими обязанностями. И к тому же делаю это, не выписывая изящные кренделя вокруг устава. Кроме того, ты провел бог весть сколько времени в отпуске по болезни. Прикинь-ка все это. И тогда получится, что у меня, пожалуй, преимущества в выслуге измеряются годами.

Кровь и плоть. Каждое мгновение этого нежеланного отпуска было оплачено кровью, плотью и нескончаемой болью, принесенными практически добровольно в жертву на службе императору. «Кровью и плотью, а они повысили Айвена. Раньше меня...» Майлзом овладело что-то весьма смахивающее на тотальное бешенство, от которого сдавило грудь и слова застряли в глотке.

Айвен, увидев выражение его лица, скис. Да, конечно, Айвен ожидал, что его поздравят в какой-нибудь своей манере, ждал, что Майлз разделит с ним радость, потому что радоваться одному – грустное занятие. Майлз отчаянно старался совладать со своим лицом, словами и мыслями.

– Поздравляю, братец. – Ну вот, теперь в его голосе вновь звучала обычная легкая ирония. – Ну, и что же теперь, когда твой чин и оклад достигли таких высот, чем ты объяснишь своей мамочке, почему не женишься на какой-нибудь милой фор-барышне?

– Пусть сначала меня заловят! – ухмыльнулся Айвен, снова просветлев. – Я быстро бегая.

– М-м-м. Лучше особо не затягивать. Кажется, Тати Форвента отчаялась и недавно вышла замуж? Впрочем, еще остается Виолетта Форсуассон, если не ошибаюсь.

– Вообще-то нет. Она вышла замуж прошлым летом, – сообщил Айвен.

– Хельга Форсмит?

– Ее подцепил один из промышленников – приятелей ее отца. Он даже не фор. Но дьявольски богат. Это произошло три года назад. Боже, Майлз, да ты совсем отстал от жизни! Впрочем, нет проблем, я всегда могу найти кого-нибудь помоложе.

– Знаешь, с таким подходом ты скоро начнешь ухлестывать за эмбрионами. – «Все мы начнем». – Перекос соотношения рождавшихся в нашу бытность мальчиков и девочек начинает сказываться. Ну ладно, поздравляю с капитаном. Я-то знаю, что ты много работал, хоть и прикидывался, что валяешь дурака. Готов поспорить, не успею я и глазом моргнуть, как ты станешь начальником генштаба.

Айвен вздохнул:

– Вряд ли, если они вдруг не передумают и не отправят меня служить на корабль, чтобы пополнить мой послужной список. Нынче с этим ужасно строго.

– Боюсь, они начинают учитывать недочеты еще во время обучения. Многие на это жалуются.

– Да, у тебя-то больше боевого опыта, чем у всех, кого я знаю до звания коммодора включительно, хоть и в твоей неподражаемой вывернутой манере, – с завистью добавил Айвен.

– Ага, только все это строго засекречено. Ты один из очень немногих, кто в курсе.

– Тебя не остановили никакие недочеты. Или правила и уставы. Или понятие реальности, насколько мне известно.

– Я никогда и ничему не позволял мне мешать. Только так можно добиться того, чего хочешь, Айвен. Никто ничего не преподнесет тебе на блюде. – Ну, во всяком случае, никто не преподнесет ему, Майлзу. А на Айвена все сыплется с неба, причем всю его жизнь. – Если не можешь выиграть, измени правила игры.

Айвен поднял бровь:

– А если это не игра, то понятие выигрыша становится несколько бессмысленным, нет? Майлз поколебался.

– Устами Айвенов... Мне... мне надо над этим подумать.

– Смотри не перенапрягись, гений-недоросток.

Майлз изобразил фальшивую улыбку. Айвен выглядел так, будто от этого разговора у него во рту такой же отвратительный привкус, как у Майлза. Пожалуй, лучше на этом закончить. С Айвеном можно разобраться потом. Как всегда.

– Пожалуй, я пойду.

– Ага, у тебя ведь масса дел. – Скривившись, Айвен отключился прежде, чем Майлз успел протянуть руку к выключателю.

Целую минуту Майлз сидел, молча уставясь на экран. Затем поднял голову и высказал свое разочарование потолку в самых отборных галактических проклятиях. И почувствовал себя несколько лучше, будто вместе с ругательствами изверг из своей души нечто ядовитое. На самом деле он не завидовал продвижению Айвена. Просто... Просто...

Неужели побеждать – это все, чего он хочет? Или все еще хочет, чтобы видели, как он побеждает? И кто видел? Имперская безопасность – неподходящее место работы, если хочешь славы. Хотя знает Иллиан, знают родители, Грегор – все близкие люди, чье мнение для него важно, знают об адмирале Нейсмите, знают, кто такой Майлз на самом деле. Элен, Куин, все дендарийцы. Даже Айвен знает. «Так ради кого я, черт побери, стараюсь, если не ради них?»

Ну... конечно, всегда присутствует дед, генерал граф Петер Форкосиган, умерший уже тринадцать лет назад. Взгляд Майлза упал на дедушкин церемониальный кинжал в великолепных ножнах, лежащий на почетном месте – ну по крайней мере не заваленный бараклом – на полке у противоположной стены. В начале карьеры Майлз упорно всегда таскал его с собой. Доказывая... что? Кому? «Теперь уже никому и ничего».

Он встал, подошел к полке и взял оружие. Достал кинжал из ножен и полюбовался игрой света на вороненой стали. Кинжал по-прежнему оставался великолепным произведением искусства, но в нем отсутствовала... некая власть, которой кинжал когда-то обладал над ним. Волшебство исчезло. Или проклятие. Теперь Майлз держал в руке обычный старинный клинок. Он сунул его обратно в ножны и разжал ладонь, выронив кинжал на полку.

Майлз чувствовал себя не в своей тарелке. Он всегда испытывал это чувство, когда приезжал домой, но в этот раз оно оказалось особенно острым. Непривычное отсутствие графа с графиней оставляло неприятное ощущение, будто они уже умерли. Надо полагать, именно так он будет себя ощущать, когда станет графом Майлзом Форкосиганом. Майлз вовсе не был уверен, что это ощущение ему нравится.

«Мне необходим... Нейсмит». Пресная жизнь фора действовала ему на нервы. Но Нейсмит – дорогое хобби. Нужна веская причина, чтобы заставить Службу безопасности оплачивать Нейсмита, необходимо буквально пожизненное задание. Адмиралу Нейсмиту нужно быть постоянно готовым ответить на вопрос «А что ты сегодня сделал, чтобы оправдать свое существование?» – или он рискует быть выброшенным на свалку. Бухгалтеры СБ для него не менее опасны, чем огонь противника. «Ну, почти...» Майлз провел рукой по скрытым рубашкой шрамам на груди.

Что-то не так с его новым сердцем. Нет, кровь оно качает вполне исправно, все клапаны и желудочки в порядке... оно выращено из его собственных тканей, но все же кажется чужеродным телом... «Ты начинаешь сходить с ума от одиночества в пустом доме».

Задание. Ему срочно необходимо задание. Не то чтобы он желает кому-то зла, просто ему необходимо действие. Блокада, небольшая колониальная война... А еще лучше – спасательная операция. Ага, освободить пленников.

«Ты все это уже делал. И если тебе нужно именно это, то почему же ты недоволен?»

Адреналиновый шок, похоже, штука затягивающая. Нейсмит – адреналиноман, которому необходима все большая и большая доза, чтобы удовлетворить потребности.

Чтобы утолить адреналиновый голод, в порядке эксперимента Майлз пробовал заняться опасными видами спорта. Особого успеха он ни в одном не достиг, главным образом из-за нехватки времени. К тому же... не хватало остроты ощущений. Не очень интересно рисковать только собой. Да и призы кажутся мелочью человеку, ставившему на кон и выигравшему десять тысяч жизней за раз.

«Я хочу получить свое задание. Иллиан, позвони!»

Треньканье комм резко оборвало тяжелый дневной сон, в который он погрузился после практически бессонной ночи, вымотанный беспокойством и пустыми домыслами. По грубым прикидкам, он проиграл в уме не менее трех сотен вариантов разговора с Иллианом. И единственный вывод, к которому в результате пришел, – что триста первый будет совершенно иным.

На экране появилась физиономия секретаря Иллиана.

– Сейчас? – спросил Майлз прежде, чем тот успел вымолвить хоть слово, и пригладил рукой взъерошенные со сна волосы.

Секретарь моргнул, откашлялся и начал отработанную речь:

– Добрый день, лейтенант Форкосиган. Иллиан желает вас видеть у себя через час.

– Я буду раньше.

– Через час, – повторил секретарь. – Из штаб-квартиры за вами придет машина.

– А, спасибо.

Бесполезно спрашивать о чем-либо по комму, а машина Майлза лучше защищена, чем обычная, но ненамного.

Секретарь отключился. Ну ладно, по крайней мере теперь у Майлза было время принять холодный душ и одеться соответствующим образом.

Он вынул из шкафа чистый зеленый мундир и начал пристегивать серебряные значки Имперской службы безопасности на воротник возле – хм! – лейтенантских треугольников, которые носил вот уже восемь кровавых лет. Знаков различия можно иметь несколько комплектов, но Глаза Гора, сделанные из серебра, выдавались в единственном экземпляре, причем персонально каждому сотруднику СБ. На тыльной части был выгравирован номер, и горе тому, кто потеряет свой значок. Глаза Гора так же трудно подделать, как деньги, и они обладают не меньшей властью.

Майлз взглянул на себя в зеркало. Он выглядел так, что спокойно мог идти на аудиенцию к самому императору. Даже еще лучше. В данный момент у Грегора меньше власти над его будущим, чем у Иллиана.

Своего рода отвлекающая тактика. Когда не можешь сделать что-то действительно полезное для дела, направляешь энергию на что-то бесполезное, но доступное. И все же он оказался внизу за десять минут до того, как автомобиль СБ подъехал к дверям.

На сей раз дверь в кабинет Иллиана была открыта. Секретарь жестом велел Майлзу заходить.

Иллиан сидел за своим огромным заваленным документами комм-пультом. На несколько более четкий, чем обычно, салют Майлза он ответил кивком. Нажав кнопку, Иллиан закрыл и запер входную дверь. Весьма необычный жест, и у Майлза вспыхнула надежда, что на этот раз ему предстоит нечто действительно очень важное и чрезвычайно сложное.

Возле стола Иллиана стоял свободный стул. Отлично. Обычно Иллиан, когда уж особенно разъярен, заставляет проштрафившегося стоять, пока не закончит на него орать. То есть вообще-то Иллиан никогда не повышал голоса, он лишь становился особенно ехидным и мордовал виноватого словесно, тщательно контролируя свои эмоции. Манера поведения, весьма импонирующая Майлзу и которую он все надеялся перенять. Но сегодня шеф Имперской безопасности казался особенно напряженным. Гораздо более угрюмый, чем обычно. Майлз уселся и коротко кивнул, давая понять, что он весь внимание. «Я готов. Приступай».

Но Иллиан не наклонился чуть вперед, как делал всегда, а, наоборот, откинулся назад и пристально посмотрел на Майлза через широченный стол.

– Ты сказал моему секретарю, что хочешь что-то добавить к своему последнему рапорту.

«Черт. Теперь или никогда». Но признание в имеющихся у него проблемах медицинского характера однозначно отменяет предстоящее задание, в чем бы оно ни заключалось. «Значит, никогда. Я сам потом с этим разберусь. Как можно раньше».

– Ничего существенного. Так что вы хотели мне сказать?

Иллиан вздохнул и побарабанил пальцами по черной поверхности.

– Я получил весьма тревожное сообщение с Архипелага Джексона.

У Майлза перехватило дыхание. «Я однажды там умер...»

– Адмирала Нейсмита там не очень-то жалуют, но я готов поправить дело. Что эти поганцы натворили на сей раз?

– Речь идет не о новом задании, и доклад, мною полученный, не нов. Он связан с твоим последним... я даже не могу назвать это заданием, потому что не давал его. С твоим последним приключением на Архипелаге. – Иллиан в упор поглядел на Майлза.

– О? – забеспокоился Майлз.

– Наконец-то я получил полные копии медицинских записей криоспециалиста, занимавшегося твоим оживлением. На это ушло довольно много времени из-за поспешного отбытия группы Дюрона с Архипелага Джексона и из-за того, что их архивы оказались частично на Эскобаре, а частично остались у дома Фелл. Не стоит упоминать, что дом Фелл не очень жаждал делиться сведениями. Еще больше времени ушло на обработку полученных сведений моими аналитиками, а затем полученные данные прочитал кто-то, оказавшийся достаточно

сообразительным, чтобы понять их важность. На самом деле на все это ушло несколько месяцев.

У Майлза внезапно похолодело внутри, как при воспоминаниях о холоде смерти. Он вдруг понял состояние человека, который прыгнул – сорвался – был скинут с крыши высотного здания, его субъективное ощущение вечности полета, пока он летит до камней внизу. «Мы только что совершили роковую ошибку. О да!»

– Конечно, больше всего меня беспокоят не твои припадки как таковые, – продолжил Иллиан, – а то, что ты не сказал о них врачам СБ, которые в прошлом году занимались твоим здоровьем. Ты солгал им и таким образом солгал и мне тоже.

Майлз сглотнул, судорожно пытаюсь найти в своем парализованном мозгу оправдание тому, чему оправдания нет. Если не можешь оправдаться, отрицай все. Он представил себя радостно щебечущим: «Какие припадки, сэр?» Нет уж.

– Доктор Дюрона сказала... что припадки пройдут сами собой. – Она действительно это говорила, черт побери! – Или... что должны пройти, – поправился Майлз. – Тогда, во время медкомиссии, я полагал, что они прошли.

Иллиан поморщился. Взяв со стола зашифрованную дискету, он покрутил ее между большим и указательным пальцами.

– Это – последний доклад моего независимого наблюдателя у дендарийцев, – сообщил он. – И в нем, помимо всего прочего, медицинские записи главного хирурга флота. Те, которые она хранила у себя в каюте, а не в медотсеке. Их тоже было нелегко раздобыть. Их-то я и ждал. Дискету доставили прошлой ночью.

«У него имелся третий наблюдатель. Мне следовало бы догадаться».

– Хочешь еще немножко поразыгрывать святую невинность? – сухо поинтересовался Иллиан.

– Нет, сэр, – прошептал Майлз. Он не думал, что голос упадет до шепота. – Я больше не буду ничего разыгрывать.

– Отлично. – Иллиан немного покачался на стуле и положил дискету на стол. Лицо его походило на маску смерти. «Интересно, на что похожа моя физиономия, – подумал Майлз. – Должно быть, напоминает морду затравленного зверя, освещенного фарами летящего на скорости сто километров в час автомобиля».

– Вот это, – Иллиан ткнул пальцем в дискету, – является предательством в отношении подчиненных, которые от тебя зависят, и начальников, которые тебе доверяют. И предательство осознанное, чему доказательство случай с лейтенантом Форбергом. Можешь ли ты сказать что-либо в свое оправдание?

Если тактические условия плохи, смени дислокацию. Если не можешь победить, смени правила игры. Внутреннее напряжение заставило Майлза пулей взлететь со стула, и он заметался туда-сюда перед столом Иллиана.

– Я служил вам телом и кровью – и видит Бог, пролил ее немало – в течение девяти лет, сэр! – Голос его взлетел. – Спросите у мэрилакцев, насколько хорошо я служил вам. Спросите у сотен других людей. Больше тридцати операций, и только две из них можно с натяжкой признать неудачными. Я десятки раз рисковал жизнью, я в прямом смысле слова отдал ее. И теперь все это вдруг ничего не стоит?

– Стоит, – выдохнул Иллиан. – И многого. Именно поэтому я предлагаю тебе уйти по состоянию здоровья, если ты подашь в отставку немедленно.

– Подать в отставку? Уйти? И это, по-вашему, означает оказать мне услугу? Служба безопасности переживала скандалы и покруче. Я знаю, что вы можете сделать для меня нечто большее, если захотите!

– Так лучше всего. Не только ради тебя самого, но ради семейной чести. Я долго и повсюду размышлял над этим со всех возможных точек зрения. Думал в течение нескольких недель.

«Так вот почему он отозвал меня домой. Не из-за задания. Никакого задания и не было вовсе. Только это. Я был обречен с самого начала. У меня изначально не было ни малейшего шанса».

– Прослужив твоему отцу в течение тридцати лет, – продолжил Иллиан, – я не могу сделать меньше. Но не могу и больше.

Майлз замер.

– Отец... просил об этом? Он знает?

– Пока нет. Известить его – задача, которую я оставляю тебе. Такой доклад я вовсе не жажду делать.

Удивительная трусость со стороны Иллиана и жестокое наказание для него, Майлза.

– Чувствуется влияние отца, – горько заметил Майлз. – Это называется оказать небольшую услугу.

– Уж поверь мне, если бы не твой послужной список, о котором ты только что напомнил, даже твоему отцу не удалось бы выпросить для тебя этой милости. Твоя карьера закончится тихо и спокойно, без скандала.

– Ага! – Майлз аж задохнулся. – Ну очень славненько. И таким образом мне затыкают рот и лишают возможности апеллировать.

– Я бы настоятельно тебе советовал – от всего сердца, заметь – не доводить дело до трибунала. Ты ни за что не получишь такого мягкого приговора, какой сейчас вынес тебе я. И я на полном серьезе говорю, что твои шансы равны нулю. – Как бы подчеркивая сказанное, Иллиан многозначительно постучал по дискете. И действительно, лицо у него было мрачным. – Одних только данных на этом диске, не говоря уже обо всем остальном, более, чем достаточно, и тебе повезет, если тебя просто уволят с позором, а не приговорят к чему-нибудь посерьезнее.

– Вы обсуждали это с Грегором? – настойчиво спросил Майлз.

Императорская милость, его последняя защита, та самая, относительно которой он поклялся, что скорее умрет, чем прибегнет к ней...

– Да. И очень долго. Сегодня все утро мы фактически просидели с ним взаперти, не обсуждая ничего, кроме твоего дела.

– Вот как.

Иллиан указал на комм:

– Твои документы готовы, чтобы ты мог подписать их прямо сейчас и здесь. Отпечаток ладони, сканирование сетчатки глаза, и дело сделано. Твоя форма... сшита по индивидуальному заказу, поэтому ее не надо возвращать, и по традиции останутся знаки различия. Но вот Глаза Гора, боюсь, тебе придется сдать.

Майлз, развернувшись на каблуках, с трудом удержался, чтобы не схватиться за воротник.

– Только не Глаза! Это... это неправда, я все могу объяснить, я могу... – Все предметы в комнате, включая комм-пульт на столе Иллиана, лицо самого Иллиана вдруг приобрели необычайную четкость, затем в мозгу вспыхнул зеленый огонь. Взорвавшийся ворохом разноцветных конфетти. «НЕТ!»

Он очнулся на ковре в кабинете Иллиана. Пепельно-серый Иллиан озабоченно склонился над ним. Во рту что-то мешало. Майлз повернул голову и выплюнул карандаш – световой карандаш, который раньше лежал у Иллиана на столе. Ворот его мундира оказался расстегнут – Майлз коснулся его ладонью, – но серебряные значки были по-прежнему на месте. Некоторое время Майлз просто лежал неподвижно.

– Ну что же, – проговорил он наконец, – полагаю, это было то еще представление. Сколько?

– Около четырех минут, – глянув на часы, ответил Иллиан.

– Как обычно.

– Лежи спокойно. Я вызову врача.

– К черту врача. Я могу идти сам. – Майлз попытался встать, но ноги подкосились, и он снова рухнул лицом в ковер. Судя по ощущениям, он разбил при первом падении губы, которые распухли, как оладьи, и нос, из которого шла кровь. Иллиан протянул носовой платок, и Майлз прижал его к лицу. Примерно через минуту он нехотя позволил Иллиану усадить себя на стул.

Иллиан присел на краешек стола и внимательно наблюдал на нем. Как всегда, сверху вниз.

– Ты знал, – произнес он. – И лгал. Мне. Письменно. Этим своим чертовым фальсифицированным рапортом ты похерил... все. А я скорее не поверил бы своему чипу памяти, чем тебе. Почему, Майлз? Ты что, настолько сильно запаниковал? – В голосе Иллиана звучала такая мука, будто он истекал кровью.

«Да, именно настолько сильно запаниковал. Я не хотел терять Нейсмита... Не хотел терять... все».

– Теперь это уже не имеет значения. – Майлз судорожно схватился за ворот, выдрал с мясом серебряные глаза и трясущимися руками слепо сунул их Иллиану. – Вот. Ты выиграл.

Иллиан взял значки.

– Храни меня Господь от еще одной такой победы, – тихо выговорил он.

– Отлично, замечательно, давай я сделаю все, что требуется, и покончим со всем этим к чертям собачьим. Меня тошнит от Имперской безопасности и надоело хлебать это дерьмо. Хватит с меня. Отлично.

Его продолжало трясти, жар волнами поднимался откуда-то из глубины живота и охватывал все тело. Больше всего Майлз боялся расплакаться прямо на глазах у Иллиана.

Иллиан снова опустил на край стола:

– Посиди пару минут, чтобы окончательно прийти в себя. Сиди, сколько требуется. Потом пойдешь умыться. Я не открою двери в кабинет до тех пор, пока ты не будешь в состоянии нормально идти.

«Странное у тебя милосердие, Иллиан. Ты убиваешь меня так заботливо».

Но он лишь молча кивнул и, спотыкаясь, направился в крошечную ванную. Иллиан последовал за ним и, убедившись, что Майлз достаточно твердо стоит на ногах, оставил его одного. Да, отразившуюся в зеркале залитую кровью и помятую физиономию определенно не стоило никому показывать. Вероятно, примерно так он выглядел в тот день, когда погибла сержант Беатрис, разве что сейчас лет на сто старше. «Иллиан не посрамит великой фамилии. Не посрамлю и я». Майлз тщательно умылся, хоть и не сумел смыть кровь с разорванного воротника и торчащей из-под него бежевой форменной рубашки.

Вернувшись в кабинет, он покорно сидел, пока Иллиан давал ему документы на подпись, проводил сканирование сетчатки и записывал официальным тоном произнесенные Майлзом слова отставки.

– Ладно, а теперь выпустите меня, – спокойно проговорил Майлз, когда все кончилось.

– Но, Майлз, тебя все еще трясет.

– И еще некоторое время будет трясти. Ничего, пройдет. Выпустите меня, пожалуйста.

– Я вызову машину. И провожу тебя до нее. Тебе не следует оставаться одному.

«О нет, как раз следует».

– Хорошо.

– Не хочешь поехать сразу в госпиталь? Ты должен. Ты имеешь право лечиться в Императорском госпитале как ушедший в отставку ветеран, а не только как сын своего отца. Я... Мне показалось, что для тебя это важно.

– Нет. Я хочу поехать домой. Своей проблемой я займусь... позже. Это ведь хроническое, не смертельно. Следующий приступ, по всей вероятности, произойдет не раньше, чем через месяц, насколько я понимаю.

– Ты должен ехать в госпиталь.

Майлз вперился в Иллиана.

– Смею напомнить, что отныне не обязан подчиняться, Саймон.

Иллиан молча кивнул. Поднявшись, он обошел стол и отпер дверь. Затем потер ладонями лицо, как бы стирая эмоции. В глазах его стояли слезы. Майлзу показалось, что он чуть ли не ощущает, как влага высыхает на круглых щеках Иллиана. Когда же Иллиан обернулся, лицо его снова было таким же невозмутимым и замкнутым, как всегда.

«Господи, как же болит сердце!» И голова. И желудок. И вообще все тело. Майлз с трудом поднялся, оттолкнув руку Иллиана, которой тот нерешительно придержал его за локоть.

Дверь открылась, явив взору секретаря Иллиана, генерала Гароша и капитана Галени. При виде Майлза Галени недоуменно поднял брови. Майлз мог точно сказать, в какой момент Галени заметил отсутствие значков СБ у него на воротнике, потому что именно в это мгновение глаза капитана стали большими и круглыми.

«Дьявольщина, Дув, что ты там навывдумывал?» Что он подрался с Иллианом? Что разъяренный Иллиан силой содрал значки с его воротника? «Случайные обстоятельства могут быть очень убедительными».

Гарош изумленно открыл рот.

– Что за чертовщина?.. – Он вопросительно протянул руку к Иллиану.

– Прошу нас простить. – Стараясь ни с кем не встречаться взглядом, Иллиан вместе с Майлзом прошел мимо них. Все три офицера СБ как по команде развернулись и уставились им вслед.

Глава 7

Прекрасно понимая, что водитель СБ не сводит с него глаз, Майлз очень осторожно вошел в дверь особняка Форкосиганов. Но как только двери закрылись у него за спиной, он рухнул в ближайшее кресло, не потрудившись даже сдернуть с него покрывало. Прошло не меньше часа, прежде чем его перестало трясти.

Встать его заставила не наступившая темнота, а давление в мочевом пузыре. «Наше тело – наш господин, а мы – его пленники. Свободу пленникам». Не успел он подняться, как единственным его желанием стало снова замереть. «Мне следовало бы напиться. В подобных ситуациях это вполне традиционно, разве нет?» Он побрел в погреб – за бутылкой бренди. Вино показалось ему в данном случае недостаточно крепким. Этот взрыв активности закончился тем, что он забился в самую маленькую комнатенку, которую только сумел отыскать, – крошечную клетушку на четвертом этаже, которая, не будь в ней окна, вполне могла бы сойти за шкаф. Бывшая комната кого-то из слуг. В ней стояло старое удобное кресло. Затратив массу усилий на поиски бутылки, Майлз уже не нашел сил на то, чтобы открыть ее. Он свернулся в крошечный комочек на огромном кресле.

Во время следующего похода в ванную, где-то после полуночи, Майлз прихватил дедов кинжал и положил на тумбочке возле непотой бутылки. Кинжал прельщал его не больше бренди, но на несколько минут занял его мысли. Любуясь игрой света на лезвии, он прижал клинок к запястью, затем к горлу, там, где остались шрамы от предкриогенной подготовки. «Да, в случае чего определенно выберу горло». Все или ничего, и нечего ходить вокруг да около.

Но однажды он уже умер, и толку от этого не было ровным счетом никакого. В смерти нет ни тайны, ни надежды. К тому же нельзя исключать кошмарной возможности, что те, кто уже однажды пожертвовал столь многим, чтобы оживить его, не сделают это снова. И все испортят. Или того хуже. Майлзу доводилось видеть наполовину успешные криооживления, когда человек лишался разума и вел растительное существование. Нет. Умереть он не хочет. Во всяком случае, не там, где его тело смогут легко отыскать. Но жизнь ему в тягость.

Однако сон, это сказочное промежуточное состояние между жизнью и смертью, не шел. Но если он просидит вот так достаточно долго, то наверняка уснет. Точно уснет.

«Вставай. Поднимайся и беги как можно быстрее». Обрато к дендарийцам, пока СБ еще не может помешать. Лови свой шанс, шанс Нейсмита! Последний шанс Нейсмита. «Беги, беги, беги!»

Майлз сидел в кресле. Мускулы судорожно свело, в голове билась мысль о побеге.

Через некоторое время он обнаружил, что если не пить воду, то и не приходится так часто вставать. Сон по-прежнему не шел, но в этот предрассветный час мысли замедлили свой бег. Одна мысль в час. Отлично.

Сквозь окно просачивался утренний свет, и лампа светила не так ярко. Солнечный луч медленно, как его мысли, пробежал по комнате и исчез.

С наступлением утра стали громче городские шумы, но кокон тьмы укрывал его от внешнего мира не хуже криокамеры.

Кто-то звал его. «Айвен. Черт! Я не хочу разговаривать с Айвеном». Он не откликнулся. Если сидеть тихо и не шевелиться, может, они его не найдут. Может, уйдут совсем. Пустыми, совершенно сухими глазами он уставился на трещину в стене, которую созерцал вот уже несколько часов.

Но его затея не сработала. В коридоре раздался грохот сапог, затем послышался голос Айвена:

– Он здесь, Дув! Я нашел его!

Шаги – быстрые и тяжелые. В зоне видимости Майлза возникла физиономия Айвена, закрыв собой стену. Айвен скривился:

– Майлз? Ты в порядке, парень?

– О Боже! – А это голос Галени.

– Не паникуй, – буркнул Айвен. – Он просто-напросто в стельку пьян. – Айвен взял нераспечатанную бутылку. – Н-да... А может, и не пьян... – Он ткнул пальцем лежащий на тумбочке кинжал в ножнах. – Хм.

– Иллиан был прав, – пробормотал Галени.

– Не... обязательно, – возразил Айвен. – Когда видишь такое примерно в двадцать пятый раз, то перестаешь на это так реагировать. Просто... он так делает. Если бы он хотел покончить с собой, то сделал бы это много лет назад.

– Ты уже видел его в таком состоянии?

– Ну... может, и не совсем в таком... – Озабоченное лицо Айвена снова закрыло собой трещину в стене. Он помахал ладонью у Майлза перед глазами.

– Не моргает, – нервно заметил Галени. – Может... нам не следует его трогать? Ты не думаешь, что лучше обратиться за медицинской помощью?

– Позвать психиатра, ты хочешь сказать? Безусловно, нет. Вот уж действительно скверная мысль. Если эти парни из психушки в него вцепятся, то уже никогда не отстанут. Нет. Это дело семейное. – Айвен решительно выпрямился. – Я сам знаю, что делать. Пошли.

– А ничего, что мы оставим его одного?

– Ничего. Раз он просидел так больше суток, значит, далеко не уйдет. – Немного помолчав, Айвен добавил: – Впрочем, нож заberi. На всякий пожарный.

Они удалились. Мысли Майлза медленно ползли. Одна за четверть часа.

«Они ушли».

«Ушли».

«Может быть, они не вернуться».

Но они, увы, вернулись.

– Я возьму его за плечи, – распорядился Айвен, – а ты – за ноги. Нет, лучше сперваними с него сапоги.

Галени так и сделал.

– По крайней мере он не окоченел.

«Нет, наоборот, растекся». Чтобы окоченеть, нужно приложить усилия. Сапоги шлепнулись на пол. Айвен снял с себя китель, закатал рукава рубашки, взял Майлза под мышки и поднял. Галени, как было велено, взял Майлза за ноги.

– А он легче, чем я думал, – заметил Галени.

– Ага. Видел бы ты сейчас Марка, – хмыкнул Айвен.

Они поволокли его вниз по узкой черной лестнице. Может, они собираются уложить его в постель? Этим они избавили бы его от проблемы. Может, тогда он уснет. И может быть, если повезет, то проснется лет через сто, когда о нем и его мире не останется никаких воспоминаний, кроме смутных легенд.

Но его пронесли мимо спальни и втащили в старую ванную комнату дальше по коридору. Ту самую, которую так и не модернизировали. Там стоял древний металлический чан, достаточно здоровый, чтобы мальчишки могли в нем плавать. Чану было не меньше ста лет.

«Они хотят меня утопить. Еще лучше. Я не стану сопротивляться».

– На раз-два-три? – спросил Айвен.

– Просто на «три», – ответил Галени.

И они швырнули его в чан. Лишь в последний миг Майлз разглядел, что ждет его внутри. Его тело попыталось воспротивиться, но мышцы не слушались, а в пересохшей глотке замер возмущенный вопль.

Примерно сто литров воды, в которой плавало килограммов пятьдесят льда.

Он шлепнулся в ледяную купель. Длинные руки Айвена засунули его под воду с головой.

Он вынырнул с воплем:

– Вода лед... – Но Айвен затолкал его обратно.

В следующий раз:

– Айвен, ты чертов приду...

Вынырнув в третий раз, он мог выразить свое возмущение лишь нечленораздельным воем.

– Ага! – радостно прочирикал Айвен. – Так я и знал, что эта процедура тебя быстренько реанимирует! – Он повернулся к Галени, который отошел в сторону, спасаясь от ледяных брызг. – С тех пор, как он пробыл в лагере «Вечная Мерзлота» в качестве офицера-метеоролога, больше всего на свете он ненавидит холод. С возвращением, парень.

Майлз, стараясь вырваться из рук Айвена, выплюнул ледяную воду, вылез наверх и вывалился из чана. Кубики льда сыпались из-под мокрого кителя и скользили по шее. Сжав кулак, он двинул им по ухмыляющейся физиономии кузена.

Кулак смачно въехал Айвену в подбородок. Боль показалась просто чудесной. Первый раз в жизни он успешно вмазал Айвену по роже.

– Эй! – завопил Айвен, отшатнувшись. Второй удар не достиг цели, потому что теперь Айвен предусмотрительно держался на расстоянии вытянутой руки, вне пределов досягаемости. – А я полагал, от таких штучек у тебя руки ломаются!

– Больше не ломаются, – задыхаясь, буркнул Майлз. Он перестал вырываться и стоял, дрожа как осиновый лист.

Айвен потер подбородок. Брови его поползли вверх.

– Теперь тебе лучше? – через некоторое время поинтересовался он.

В ответ Майлз разразился потоком брани и, собрав с кителя остатки льда, запустил Айвену в физиономию.

– Приятно слышать, – жизнерадостно сообщил Айвен. – А теперь я скажу тебе, что ты должен сделать, и ты это сделаешь. В первую очередь ты пойдешь к себе в комнату и снимешь этот мокрый мундир. Затем сбреешь эту пародию на бороду и примешь горячий душ. А потом оденешься. А после этого мы поведем тебя ужинать.

– Не пойду я никуда, – мрачно пробурчал Майлз.

– Я что, тебя спрашиваю? Дув, разве я предлагал бетанское голосование?

Галени, зачарованно глядя на происходящее, лишь покачал головой.

– Так, – продолжил Айвен. – Ничего не желаю слушать, и у тебя нет выбора. Внизу в холодильнике лежит наготове еще пятьдесят кило льда, и ты прекрасно знаешь, что я не премину им воспользоваться.

Майлз прочитал в лице Айвена, что он с удовольствием приведет угрозу в исполнение. Ругательства превратились в злобное шипение, но несогласия он выражать не стал.

– Тебе это понравилось, – пробурчал он наконец.

– И еще как! – подтвердил Айвен. – А теперь иди собирайся.

Пока Майлз собирался, Айвен выдвинул еще ряд требований. Наконец они с Галени отволокли его в ближайший ресторан. Там он тихим голосом угрожал Майлзу до тех пор, пока тот не сунул в рот несколько кусочков. Едва начав есть, Майлз мгновенно понял, что страшно голоден. Кузен, довольный результатом, отстал.

– А теперь, – сказал Айвен, заглатывая последний кусок десерта, – объясни, что за чертовщина с тобой творится?

Майлз глянул на двух капитанов, на Глаза Гора в петлицах Галени.

– Сначала вы. Это Иллиан вас прислал?

– Он попросил, чтобы я навестил тебя, – сообщил Галени. – Решил почему-то, что мы друзья. Поскольку охранник у ворот сказал, что ты зашел и больше не выходил, а на вызовы по комму ты не ответил, я решил провести тебя лично. Ну, и я чувствовал себя... мягко говоря, не вправе врываться в особняк Форкосиганов, а потому пригласил с собой Айвена. Я подумал, что у него как у члена семьи есть право туда войти. По разрешению, полученному мною от Иллиана, охранник открыл замки и впустил нас внутрь, так что нам не пришлось вышибать окно. – Поколебавшись, Галени добавил: – К тому же меня совершенно не прельщала перспектива в одиночку выволакивать откуда-нибудь твое тело.

– Я же тебе говорил, что это вряд ли, – вмешался Айвен. – Это не в его стиле. Если он когда-нибудь надумает покончить с жизнью, то обставит это с наибольшим шумом и максимальным количеством взрывов. И скорее всего утащит за собой кучу сторонних наблюдателей.

Майлз с Айвеном обменялись ехидными улыбками.

– Я... я не был в этом так уверен, – задумчиво протянул Галени. – Ты ведь не видел, Айвен, какое у него было лицо, когда он вышел от Иллиана. В последний раз я видел такое выражение лица у парня, которому помогал выбраться из разбившегося флайера.

– Я все объясню, но не здесь, – вздохнул Майлз. – Где-нибудь в более спокойном месте. Потому что во всей этой истории многое связано с работой. – Он отвел взгляд от серебряных значков на воротнике Галени. – Моей бывшей работой.

– Хорошо, – спокойно согласился Галени.

В конце концов они устроились на кухне особняка Форкосиганов. Майлз подспудно надеялся, что Айвен поможет ему надраться, но кузен вместо этого заварил чай и влил в него две чашки. Чтобы компенсировать потерю жидкости, как он изволил выразиться. Затем Айвен уселся верхом на стул. Сложил руки на спинке и произнес:

– Ну ладно, выкладывай. Сам понимаешь, теперь не отвертишься.

– Да. Я знаю. – Майлз на секунду прикрыл глаза, соображая, с чего начать. Наверное, с самого начала. В голове вертелись привычные и отработанные увертки и отрицания. Они привлекали его гораздо больше, чем чистосердечное признание. И готовы были сорваться с языка. Ладно, кратчайшее расстояние между точками – прямая. – После моего прошлогоднего криооживления у меня... возникла проблема. Начались припадки. Конвульсии, длящиеся от двух до пяти минут. Они вроде бы возникают в момент стрессовой ситуации. Мой врач сказала, что они, как криоамнезия, могут пройти сами собой. Припадки случались редко и вроде бы сходили на нет, как она и обещала. Поэтому я... поэтому я не сказал о них врачам СБ, когда вернулся домой.

– Ах ты черт, – пробормотал Айвен. – Понятно, что за этим последовало. Ты вообще кому-нибудь говорил?

– Марк знал.

– Ты сказал Марку, но не сказал мне?

– Марку я мог довериться... он сделает то, что я велю. А ты сделаешь то, что сочтешь нужным. – Почти то же самое он говорил Куин. Боже!

Губы Айвена скривились, но возражать он не стал.

– Ты понимаешь, почему я боялся, что в худшем случае это будет билет в один конец – увольнением по здоровью. А в лучшем случае – кабинетная работа, и конец дендарийским наемникам, конец оперативной работе. Но я подумал, что, если я, точнее, мой дендарийский врач, потихоньку решит эту проблему, Иллиан никогда ничего не узнает. Она дала мне кое-какие препараты. Я думал, что они сработали.

«Нет, никаких оправданий, черт побери!»

– А Иллиан тебя застукал и поэтому выпер? Тебе не кажется, что это несколько слишком, после всего того, что ты для него делал?

– Это не все.

– А!

– Во время выполнения последнего задания... мы должны были освободить имперского курьера, захваченного пиратами возле Сумерек Зоава... я решил лично пронаблюдать за ходом операции. На мне была боевая броня. И в разгар операции со мной случился припадок. И я случайно включил встроенный плазмотрон. И чуть было не разрезал пополам бедолагу курьера. Но он оказался везунчиком. Я всего лишь отсек ему обе ноги.

У Айвена отвисла челюсть.

– Понятно... – медленно проговорил он.

– Ничего тебе не понятно. Пока еще нет. Это была всего лишь глупость. Роковым оказалось то, что я сделал потом. Я фальсифицировал рапорт. Написал, что несчастный случай с Форбергом произошел из-за неисправности оружия.

Галени резко выдохнул:

– Иллиан сказал... что ты уволился по желанию. Но не уточнил, по чьему желанию, а я не посмел у него спросить. Я вообще всему этому не поверил. Подумал, что это начало какой-то очередной вашей с Иллианом заморочки, внутреннего расследования или что-то в этом роде. Единственное, что вызывало у меня сомнение, – вряд ли даже ты способен настолько хорошо притворяться, чтобы изобразить такое выражение лица, какое у тебя было в тот момент.

Айвен никак не мог переварить услышанное.

– Ты солгал Иллиану?

– Угу. И задокументировал эту ложь. Если уж делаешь гадость, делай ее как следует, верно? Я не увольнялся. Меня выгнали. На всем Барраяре не найти никого, кого бы выгнали с таким треском, как меня.

– И он действительно сорвал с тебя серебряные глаза? – Глаза Айвена полезли на лоб.

– Кто это сказал?

Галени хмыкнул:

– Очень было на то похоже. Гарош именно так и подумал.

«Все было гораздо хуже. Он плакал». Никогда за всю свою жизнь Майлз не видел Иллиана плачущим.

– Нет. Я сам их снял. Я все сделал сам. – Поколебавшись, Майлз добавил: – Последний припадок произошел прямо у него в кабинете. У него на глазах. Кажется, я уже говорил, что они случаются в стрессовых ситуациях.

Айвен скривился в сочувственной гримасе.

Галени громко выдохнул.

– Этому Гарош тоже не поверил. Заявил, будто вся СБ знает мнение Иллиана, что ты срешь золотыми слитками.

«О да, Нейсмит был лучше всех».

– После операции на Дагуле он имел полное право так считать. – Но операция на Дагуле была почти четыре года назад. «А чем ты насрал в конечном итоге?» – Насколько я понимаю, это прямая цитата из высказываний Гароша. Узнаю стиль.

– М-м, он может быть иногда несколько прямолинеен. Он с трудом переносит дураков. Мне сказали, что он вырос с самых низов. Он говорит, Иллиан прочил тебя на свое место.

Майлз изумленно поднял брови.

– Невозможно. Осуществление общего руководства требует несколько иных навыков, чем у полевого агента. И главное, диаметрально противоположного отношения к уставу. Я не готов... не был готов для работы Иллиана.

– Гарош так и сказал. Кажется, твоей следующей должностью должна была быть должность его зама. Пять лет на этом месте – и ты готов занять место Иллиана, когда он решит уйти.

– Чушь собачья. Только не Внутренние Дела. Если бы мне пришлось сесть за стол, то скорее уж в департаменте по делам галактики на Комарре. В этом у меня имеется кое-какой опыт.

– Именно пробел в твоём опыте и собирались залатать, направив тебя к Гарошу. Иллиан как-то раз сказал мне, что Гарош в бытность свою полевым агентом сам лично сорвал не менее четырех крупных заговоров против императора. Это не учитывая дела «Ярроу», за которое он и получил нынешний пост. Может, Иллиан надеялся, что часть способностей Гароша передастся тебе.

– Не нужны мне... – начал было Майлз, но тут же закрыл рот.

– А что это за дело «Ярроу»? – заинтересовался Айвен. – И если оно такое важное, то почему я никогда о нем не слышал?

– Классическое дело по борьбе с терроризмом, – пояснил Галени. – Иллиан всех новых аналитиков заставляет изучать его.

– Это дело хорошо известно в рамках СБ, – добавил Майлз. – Хоть оно и очень успешное, простые смертные мало что о нем знают. Такова уж наша работа. Успех остается тайным, и никто спасибо не скажет, а о неудачах идет звон, и в результате ты всегда виноват. «Возьмем, к примеру, меня...»

– Заговор едва не удался, – начал Галени. – Одна изоляционистская группировка, с помощью графа Форттрифрани, задумала самоубийственное дело – бросить старый прыжковый корабль «Ярроу» прямо на Императорский дворец. Рухнув, корабль и так разнес бы больше половины дворца без всякой взрывчатки, которой они его набили. Взрывчатка оказалась их единственной ошибкой, не обрубленным концом, который и вывел на них команду Гароша. Форттрифрани вышел сухим из воды, объявив себя сумасшедшим, но это подорвало его позиции, и с тех пор он меньше... э-э-э... досаждал Империи.

Айвен моргнул.

– Квартира моей матери совсем рядом с дворцом...

– Да, остается только гадать, сколько народу в Форбарр-Султане они могли бы угробить, если б промахнулись.

– Тысячи, – пробормотал Майлз.

– Нужно будет не забыть поблагодарить Гароша при встрече. – На Айвена рассказ явно произвел впечатление.

– Меня тут тогда не было, – вздохнул Майлз. – Как всегда. – Он подавил совершенно неразумную вспышку зависти. – Никто мне никогда ничего не говорил об этом планируемом повышении. И когда же... этот мелкий пакостный сюрприз должен был обрушиться на мою голову?

– Судя по всему, в ближайший год.

– А я-то полагал, что сделал дендарийцев достаточно ценными для СБ, чтобы они и не мечтали для меня ни о чем другом.

– Выходит, ты перестарался.

– Начальник Службы безопасности в тридцать пять лет. Ха. Слава Богу, хоть от этого я теперь избавлен. Н-да. Невелика радость Гарошу заниматься дрессировкой какого-то форского щенка, чтобы того потом поставили над ним начальником. Должно быть, он испытывает немалое облегчение.

– Так и есть, – извиняющимся тоном произнес Галени.

– Ха! – мрачно фыркнул Майлз. И, помолчав, добавил: – Кстати, Дув, надеюсь, тебе понятно, что все это должно остаться между нами. Официальная версия, в том числе и для СБ, – я уволился по состоянию здоровья.

– Иллиан так и сказал, когда Гарош его спрашивал. Иллиан вообще был крайне сдержан. Но было понятно, что все не так просто.

Айвен встал и вышел. Майлз потихоньку потягивал чай. Пожалуй, теперь он сможет уснуть. Вообще-то в данный момент ему хотелось только спать. Тут возвратился Айвен и шмякнул возле стола чемодан.

– Это еще что? – подозрительно спросил Майлз.

– Мои вещи, – бодро ответил Айвен. – На пару дней.

– Ты здесь не останешься!

– А что, места мало? Да тут комнат больше, чем в гостинице!

Майлз отступил, мгновенно сообразив, что этот спор ему не выиграть.

– Неплохая идея для моей новой карьеры. «У Форкосигана. Ночлег и завтрак».

– А комнаты дешевые? – изогнул бровь Айвен.

– Нет, черт побери! Только за бешеные деньги! – Он помолчал. – И когда ты намерен отсюда убраться?

– Не раньше, чем здесь появятся еще люди. Пока ты не починишь свою башку, тебе как минимум нужен водитель. Кстати, я видел в гараже твой флайер. В ремонте он, как же! А еще нужен кто-то, кто будет тебе готовить и стоять у тебя над душой, пока ты все не съешь. И кто-то, кто будет убирать за тобой.

– Не очень-то я и мусорю...

– И убирать за всеми прочими, – неумолимо продолжал Айвен. – Этим хоромам нужен штат, Майлз.

– Как любому музею, а? Не знаю, не знаю...

– Если ты пытаешься сказать, что не знаешь, нужен ли тебе штат, то вот что я тебе скажу. У тебя нет выбора. Если же ты не знаешь, как этот штат нанять... Хочешь, моя мать сделает это для тебя?

– Э-э... думаю, что сам наберу прислугу. Тетя Элис сделает все слишком правильно и хорошо, выражаясь словами сержанта Ботари.

– Значит, быть посему. Давай сам, или я попрошу мать. Как тебе такая угроза?

– Очень впечатляюще.

– Значит, я прав.

– Как по-твоему, не могу ли я обойтись одним слугой, который станет делать все: водить, готовить...

Айвен фыркнул:

– ...бегать за тобой и заставлять глотать твои мерзкие таблетки? Для этого лучше нанять сваху, чтобы нашла тебе жену. Почему бы тебе для начала не найти водителя и повара, а потом всех остальных?

Майлз устало скривился.

– Слушай, – наступал Айвен, – ты ведь фор, живущий в Форбарр-Султане. Этот город принадлежит нам. Так и живи как фор! Получи удовольствие для разнообразия!

– Ты что, Айвен, совсем из ума выжил?

– В особняке Форкосиганов ты не гость, Майлз. Ты единственный наследник, или был таковым до появления Марка, а у него есть свой капитал. Хотя бы расширь свои возможности! Ты ведь был столького лишен, работая на Иллиана! Можно сказать, ты и не жил вовсе!

«А вот это верно. Полноценной жизнью жил Нейсмит». Но отныне Нейсмит мертв – его убила иглограната на Архипелаге Джексона. Просто смерть наступила год спустя.

Майлзу доводилось читать о мутантах, сиамских близнецах, сросшихся телами. Иногда один из них умирал первым, а второй оставался привязанным к мертвецу несколько часов или даже дней, пока не умирал тоже. Лорд Форкосиган и адмирал Нейсмит – сиамские близнецы. «Не хочу больше об этом думать. Я вообще ни о чем думать не хочу».

– Пошли спать, Айвен. Уже поздно.

– Да, довольно поздно, – согласился Айвен.

Глава 8

Майлз проспал почти до полудня. Добравшись по лабиринту коридоров до кухни, он, к своему глубокому изумлению, обнаружил там попивающего кофе Айвена. Оставшаяся после завтрака посуда была сложена в раковине.

– Разве тебе не нужно идти на службу? – поинтересовался Майлз, наливая себе кофе.

– У меня несколько дней отпуска по семейным обстоятельствам, – сообщил Айвен.

– И сколько же?

– Сколько понадобится.

Иначе говоря, пока он не убедится, что Майлз ведет себя как следует. Майлз задумался. Так... Если он наймет этот чертов персонал, Айвен, освободившись от обязанностей надсмотрщика, отвалит в свою уютную квартирку – где, кстати, нет никакой прислуги, только приходящая уборщица. И тогда Майлз сможет спокойно уволить весь персонал... да, именно так. Естественно, выдав всем премиальные и соответствующие рекомендации. Угу, это должно сработать.

– Ты уже сообщил родителям? – спросил Айвен.

– Нет. Пока.

– А следует. Пока до них не дошли слухи.

– Знаю, что должен. Только... это не так просто. – Он глянул на Айвена. – Думаю, ты вряд ли...

– Ни за что! – в ужасе заорал Айвен. После небольшой паузы он снизошел до: – Ну... если ты действительно не в состоянии. Но мне бы не хотелось.

– Я... подумаю.

Майлз допил кофе, поднялся к себе и переоделся в вышитую рубаху и темные брюки. Последний раз он надевал их три года назад. Что же, по крайней мере они ему не узки. Воспользовавшись отсутствием Айвена, он собрал всю свою барраярскую форму и перетащил в пустующую комнату для гостей, чтобы не видеть их каждый раз, как лезет в шкаф. После длительных размышлений он отправил туда же и дендарийскую форму. В его шкафу осталось висеть лишь несколько одиноких шмоток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.